

СОКРОВИЩА
ЛИРИЧЕСКОЙ
ПОЭЗИИ

РАБИНДРАНАТ
ТАГОР
ЛИРИКА

Перевод
с бенгальского

Издательство «Художественная литература»
Москва 1967

Вступительная статья

Е. ВИНОКУРОВА

Суперобложка и фронтиспис

М. ЧУРАКОВОЙ

Ф И Л О С О Ф С К А Я Л И Р И К А Т А Г О Р А

«Мнимая разница между философией и поэзией вредит им обоим», — сказал один древний поэт. Лирика бенгальского поэта Рабиндраната Тагора, как никакая другая, подтверждает ту древнюю истину, что поэзия есть *документ* философии. Потрясенный, видящий мир в образах, мыслитель и есть поэт. И таким именно поэтом предстает пред нами Рабиндранат Тагор. Прозаик, политик, музыкант, критик, художник, историк, композитор, философ, педагог, лингвист, актер, публицист, режиссер, Тагор берется за перо поэта только тогда, когда он чувствует, что кроме как стихами он не может выразить себя. И если за карандаши и кисть Тагор взялся только в шестьдесят лет, поэтом он был с самого раннего детства. Опубликовавший первое свое стихотворение в четырнадцать лет, Тагор в пятьдесят два года получает Нобелевскую премию за сборник стихов «Гитанджали», выдержавший бесконечное количество изданий, переведенный на множество языков и принесший бенгальскому поэту всемирную славу. Стихи поэт продолжает писать до самой смерти.

Поэзия — это тот вид искусства, которым Тагор — человек универсальных дарований — занимался постоянно. Тагор писал стихи, как пишут дневник, изо дня в день, — мгновенно фиксируя свои состояния, свои тончайшие душевные движения. Многие свои стихи он положил на музыку, — им создано более двух тысяч песен, которые до сих пор поет его народ. Корни Тагора как поэта уходят глубоко в тысячелетнюю историю Индии, в индийскую и еще глубже — в санскритскую культуру. Огромное плечо традиции подпирает поэта-мыслителя, дает ему ту мощь, ту духовную силу, которую он продемонстрировал миру и которой он потряс мир.

Тагор, впитавший в себя вместе с культурой Индии и культуру новую европейскую, вновь как бы объединил в себе две разошедшиеся ветви. Индоевропейский пласт, та сверхдревняя праоснова, питает философскую лирику Тагора, подземные философские родники бьют из глубины тысячелетий. Слово Тагора находит отклик в самых дальних углах мира — не только у себя в Индии, — слово его понятно и дорого всем образованным людям на обоих полушариях земли.

«Прости меня, о ты, не имеющий формы, за то, что я, богохульствуя, пытался навязать тебе форму», — говорится в древней молитве Вьясы. И Тагор «богохульствовал» в этом смысле всю жизнь, всю жизнь он стремился «навязать форму» бесформенному, стремился воплотить в пластических и звучащих образах то смутное, то неуловимое, что приходило к нему и что требовало своей материализации, своего формулирования. Творческая, «богохульная» жажда вечного искусства, родственная фаустовской «богохульной» бесконечной жажде познания, жила в бенгальском поэте всю жизнь, до глубокой старости, — она не поки-

дала его и в его восемьдесят лет, заставляя браться то за перо, то за кисть. Быть демиургом — творцом, создателем, «навязывать форму» неоформленному, воплощать невоплощенное — вот задача, стоявшая перед Тагором до самой его последней минуты.

Тагор считает, что надо видеть мир не только внешним зрением. «До сих пор я смотрел на мир только внешними глазами и поэтому был неспособен охватить картину его всеобъемлющей радости». Поэт учит видеть мир как целое. Рисовать словом и мыслить — вот двуединая задача. Быть и художником и мыслителем одновременно, «созерцать духом то, что видит глаз, и глазом то, что мыслит дух».

Мир и человек в их отношении друг к другу — вот тема лирики Р. Тагора.

По Тагору, природа и человек — одно. Мир спрашивает человека: «Друг, видел ли ты меня? Любишь ли ты меня?..» Человек отвечает на это: «Я вижу тебя, поскольку ты — то, что я сам». Он не устает повторять: «Этот мир наш товарищ, мы с ним одно».

Тагор в центре мира ставит радость. В Упанишадах — древнейших философских трактатах Индии сказано: «Все существующее есть порождение радости». И это тоже одна из главных мыслей лирики поэта.

Тагор мыслит, но не рассуждает. Его мысль, как нить в электрической лампе, раскаляясь добела, излучает ослепительный свет.

Философской лирике Тагора свойственно одно величайшее качество: у поэта общая, часто сложная, отвлеченная идея вдруг начинала сверкать всеми красками, воплощалась в смелые, подчас поражающие образы, в образы «плотные», осязаемо конкретные. Вот стихотворение «Несмышленный ум». Его нельзя пересказать, хотя это стихотворение и построено на отвле-

ченной мысли. Дело в том, что сама мысль настолько сложна, что выражена она может быть *только так*, как она выражена в этом стихотворении, только этими образами и не иначе, то есть ее нельзя как истинную поэзию пересказать без существенных, невосполнимых потерь. Все стихотворение построено на парадоксе, уже начиная с самого своего названия. Проблема «бессловесного ума», ума в природе, ума брезжущего где-то в глубине мира, где-то в глубине стихийной, еще не осознающей самой себя жизни:

Средь беспросветной бездны, одинок,
Он вдруг возник — дрожащий огонек.
Он появился в лепете без слов,
Как птичий щебет,
Как оленя зов.
Среди цветов, ветвей, семян и мхов,
Средь древних рощ, в мелодиях стихов,
Он вдруг возник,
Не зная ни аза,
Поднявши к солнцу влажные глаза.

Все истинные поэты мира находятся в общении друг с другом, для них не являются препятствием ни барьеры времени, ни барьеры пространства. Удивительно читать эти стихи и узнавать в них мысли, — вернее, не мысли, а ощущения, ставшие мыслью и вновь превращенные в ощущения. Как близок по восприятию природы к Тагору наш советский поэт Заболоцкий с его «лицами зверей». Этот «несмышленный ум» не является ли тем умом, о котором столько писал этот наш глубокий философский лирик, тем умом, что брезжит в «лице коня», в глубине материи. Но ведь это же и является предметом раздумья и нашего русского классика Тютчева с его «мыслящим тростником». «Смертной мысли водомет», который у Тютчева бьет вверх, и бессильно всякий раз опадает вниз, и снова

упорно рвется вверх,— как он близок «несмышленому уму» бенгальского поэта:

Бездумный и живой морской простор
Напоминает мне дитяти взор,
Что прямо в небо устремлен, без дум —
Там недозревший, неразумный ум
Таится где-то в самой глубине,
Под колыханием воды, на дне.
Как стонет море! Снасти напрочь рвет!
Само не знает, почему ревет.
Нет повода, нет никаких причин
Негодованью плачущих пучин;
Оно вопит во тьме и на свету,
Простерши глупо руки в пустоту.

Тагору было дано понимать мир, понимать природу, он был допущен туда, в ту святая святых, где, говоря его словами, «великая Мать баюкает сердце вселенной». Он слушал шорохи мира, тайные, не слышные никому, кроме него, голоса, идущие из глубин, он понимал нечто такое, что, выраженное мелодически, дает людям силу жить. Казалось, сама тайна бытия была ему открыта в интуиции. Не потому ли он имел столько читателей? Ведь что может быть интересней для человека, чем вопрос, что такое человек и что такое его бытие. Люди всегда задумывались над судьбой человека, над краткостью его земного существования, над его смертностью. Только поэт дает ответ на эти принципиально не разрешимые вопросы, поэт находит то слово, тот образ, тот символ, который мгновенно примиряет человека с бездной, открывающейся перед ним. В этом смысле каждое философское стихотворение поэта — это как бы моментальная инъекция против небытия. «Крепкой нитью смерти своей соединюсь со вселенной», — писал он, не веря в уничтожение.

Тагор не верит в смерть, он преодолевает ее своей сверхъестественной творческой силой. Смерть — только, возможно, необходимый для стройности всего здания жизни архитектурный компонент. «Я знал теперь, что такое смерть. Она была свершением, и только».

Тот, кого интересует поэзия конечных сущностей, вечных начал, кто окунется в глубокий мир Тагора, тот исполнится радостью познания. Но, поэт-философ, Тагор не устает напоминать, что поэзия ничего не растолковывает, не *объясняет*, он старается в своих глазах не *логически доказывать*, а, главное, *эмоционально внушать*, и его философские гимны действуют *цельно* на всего человека: «Разве стихи пишут, чтобы что-нибудь *объяснить*? То, что мы чувствуем в самой глубине души, пытается найти форму вне нас — в виде стихотворения. Поэтому я всегда становлюсь в тупик, когда кто-нибудь, прослушав стихотворение, говорит, что не понял его. Если кто-нибудь, нюхая цветок, скажет, что не понимает его, ему можно только ответить: «Здесь нечего понимать...» Если же он продолжает настаивать: «Я знаю, но что все это означает?» — тогда придется или заговорить о чем-нибудь другом, или же сделать дело еще более непонятным, сказав, что аромат это форма, которую мировая радость принимает в цветке».

Но не только внушение, чувство, — он хотел, чтобы доходил и сам *смысл*. Самокритично и грустно констатирует он в одном месте, что иногда «громкий звук моего голоса заглушает то, что я хотел сказать».

Верхом всего Тагор считал безотчетную радость жизни.

Не против ли буддистской отвлеченной морализаторской рассудочности направлены такие строки

поэта, цeniaщего непосредственную всеильную способность жить:

Не те, которые вечно перебирают
скучные четки долга,— все они
в конце концов не будут победителями;
ими будут те, которые
любят, потому что живут.

Любить жизнь, как дети! «Дети любят жизнь, это их первая любовь».

Младенец для матери божествен. «Мой господь пришел под видом младенца в мое материнское сердце»,— говорит мать в одном из стихотворений поэта.

Но отношение поэта к природе сложно,— он видит в ней не только великую Мать. Подчас она обращается к нему своим другим, демоническим ликом, и тут перед поэтом снова — бесконечное число роковых загадок: «О природа бескрайняя, как я тебе доверял! Называл своей матерью, домом своим называл, а сегодня познал я и когти твои, и оскал... С корнем вырвать готова ты жизнь, как сухую траву. Я тебя вопрошаю, о Ужас Великий, зачем я живу? Кто ты мне, заслонивший дорогу в небесную твердь? Кто ты, горло мне тысячу пальцев сдавивший? Ответ! Кто ты, давший мне жизнь мимолетную? Слышишь, я жду. Почему я живу? Для чего я? Куда я иду?»

Но минутные настроения, смятение, вызванные жизненными невзгодами,— смертью близких, болезнями,— сменяются опять ощущением полноты жизни. Недаром он больше всего любит образы, связанные с материнством, с детьми, с кормлением.

«Словно сытый ребенок, безмятежная спит река», «мир, подобно беременной женщине, медленен и ленив», «только сердце, сердце мое одно, затерявшееся в бесконечности, как ребенок, страха полно», «Я тя-

нусь, как ребенок, и к небу, и к ветру, и к земле, и к воде», «грудь — опора младенца, беззащитного мира приют...», «грудь — святыня земная».

В стихотворении «Отречение» рассказывается о человеке, пожелавшем уйти от мира, бросившем молодую жену и ребенка. Человек ушел, как ему казалось, к богу, а бог остался с женщиной и с младенцем, и бог, вздохнув, сказал вслед уходящему: «...где ты найдешь меня, если я здесь остаюсь». Бог, по Тагору, — это жизнь, это материнство, это бытие.

Много стихов Тагора посвящено женщине, страсти, очарованию. Вот стихотворение «Женщина»:

Ты не только творение бога, не земли порождение ты, —
Созидает тебя мужчина из душевной своей красоты.
Для тебя поэты, о женщина, дорогой соткали наряд,
Золотые нити метафор на одежде твоей горят.
Живописцы твой облик женский обессмертили на холсте
В небывалом еще величье, в удивительной чистоте.
Сколько всяческих благовоний, красок в дар тебе принесли,
Сколько жемчуга из пучины, сколько золота из земли.
Сколько нежных цветов оборвано для тебя в весенние дни,
Сколько истреблено букашек, чтоб окрасить твои ступни.
В этих сари и покрывалах, свой застенчивый пряча взгляд,
Сразу ты недоступней стала и таинственнее стократ.
По-иному в огне желаний засияли твои черты.
Существо ты — наполовину, полувоображение ты.

Поэт сумел сказать о любви, любви плотской и любви идеальной, сильно и правдиво.

Тагор писал гимны. Это гимны солнцу, гимны жизни, гимны природе.

Вот стихотворение «Солнце», — оно полно философского восторга по поводу бытия. «Необорная струится жизнь по телу моему!» — восклицает поэт при виде встающего солнца.

Жизнь хороша, по Тагору, во всех ее проявлениях,— для света необходима тень, как неперемное условие его существования. Мир весь в антимониях, в противоречиях,— одно вытекает из другого, одно нужно другому, контрасты создают мир, делают его цветным и объемным. И это тоже одна из любимейших мыслей поэта. Он пишет: «Стрела говорит: «Я свободна, но вот мой лук связан тетивой». Лук отвечает: «Если бы я не был в плену, то ты б так не летела». Сложная всеобщая зависимость существует в мире, в котором вечный круговорот («Вслед за концом неизбежно приходит начало»), и это радует Тагора, это его потрясает.

Тагор понимал значение великого разнообразия жизни, он выступал против бездействия, против ухода от противоречий жизни в пассивность, в «неделание», в непротивление: «Плохие и хорошие ходят вместе, а тот, кто ни плох, ни хорош,— в сторонке». Тагор утверждал, что Индия должна проснуться для жизни, для творчества, для действия,— тысячелетняя спячка ослабила нацию. С горечью восклицал поэт, обращаясь к Индии: «Мы потеряли все: лицо и имя!» Тагор призывал индийский народ стать хозяином своей судьбы, принять все лучшее, что есть в мире, не отгораживаться от нового, не окостеневать в религиозном параллелизме индуизма и буддизма. Он был просветитель своего народа, он хотел, чтобы индийцы решительно вышли на большую дорогу мировой культуры, национальной самостоятельности, предполагающей дружеское сосуществование среди просвещенных народов. Тагор писал: «Боясь заблуждений, мы заперли дверь, но как же войдет истина?»

«Открой свои врата и смотри вдаль и вглубь»,— не устают повторять поэт.

Тагор обращался к Азии с воззванием: «О, пробудись, Восток седой!»

Тема природы и цивилизации, тема самобытности и заимствования, тема западной культуры и традиционной рутинности — эти темы волновали поэта. Он решал сложнейшие проблемы мудро и осторожно, видя всю их диалектическую противоречивость. По-разному в разное время подходил он к одному и тому же вопросу. «Современная цивилизация! Пожирательница души! Возврати нам тень и прохладу в священной лесной тиши». Он желает, чтобы вернулись «тихие песни вод», разговоры о «великих истинах», дни, что «погружены в размышления». Но, защищая традицию, он в то же время требовал от Индии, чтобы она, как мать, воспитала по-новому своих сынов, чтобы она повела их по пути образованности и прогресса.

Тагор прожил длинную жизнь. Родившийся в 1861 году, он дожил до 1941 года.

Универсальный гений Тагора вел его от проблемы к проблеме, от мысли к мысли, от образа к образу, — творчество было в одно и то же время и целью и дорогой для него. Он постигал мир в разных ракурсах, в разных аспектах. Тагор погружался в мир, словно лот в бесконечный океан. Только с пером или с кистью в руках понимал он жизнь. Недаром Тагор сказал устами одного из своих героев: «Я не могу найти дороги, если не пою».

Евг. ВИНУКUROV

ЛИРИКА

Ж И З Н Ь

В этом солнечном мире я не хочу умирать,
Вечно жить бы хотел в этом цветущем лесу,
Там, где люди уходят, чтобы вернуться опять,
Там, где бьются сердца и цветы собирают росу.
Жизнь идет по земле вереницами дней и ночей,
Сменой встреч и разлук, чередой надежд и утрат,—
Если радость и боль вы услышите в песне моей,
Значит, зори бессмертия сад мой в ночи озарят.
Если песня умрет, то, как все, я по жизни пройду —
Безымянною каплей в потоке великой реки;
Буду, словно цветы, я выращивать песни в саду —
Пусть усталые люди заходят в мои цветники,
Пусть склоняются к ним, пусть срывают цветы на ходу,
Чтобы бросить их прочь, когда в пыль опадут
лепестки.

Н О Ч Ь

О ночь, одинокая ночь!
Под необъятным небом
Сидишь ты и что-то шепчешь.
Глядя в лицо вселенной,
Волосы расплела,
Ласкова и смугла...
Что ты поешь, о ночь?
Снова слышу твой клич.
Но песен твоих доньше
Я не могу постичь.
Дух мой тобой вознесен,
Взоры туманит сон.
И кто-то в глуши души моей
Песню твою поет, о любимая.
Голосом легким твоим
Вместе с тобой поет,
Словно родной твой брат
Заблудился в душе, одинок,
И тревожно ищет дорог.
Он гимны отчизны твоей поет
И ждет ответа.

И, дождавшись, навстречу идет...
 Будто беглые звуки эти
 Будят память о ком-то былом,
 Будто смеялся он здесь, и плакал,
 И звал кого-то в звездный свой дом.
 Снова он хочет сюда прийти —
 И не может найти пути...

Сколько ласковых полуслов и стыдливых
полуулыбок,
Старых песен и вздохов души,
Сколько нежных надежд и бесед любви,
Сколько звезд, сколько слез в тиши,
О ночь, он тебе дарил
И во тьме твоей схоронил!..
И плывут эти звуки и звезды,
Как миры, обращенные в прах,
В бесконечных твоих морях.
И когда на твоём берегу я сижу одинок,
Окружают песни и звезды меня,
Жизнь меня обнимает,
И, усмешкой маня,
Уплывает вперед,
И цветет, и тает вдали, и зовет...

Ночь, я нынче пришел опять,
Чтобы в очи твои глядеть,
Я хочу для тебя молчать
И хочу для тебя петь.
Там, где прежние песни мои, и мой
потерянный смех,
И мечтаний забытых рой,
Сохрани мои песни, ночь,
И гробницу для них построй.

Ночь, я вновь для тебя пою,
Знаю, ночь, я любовь твою.
Песнь укрой от пристальной злобы,
Схорони в заветном краю...
Будет медленно падать роса,
Будут мерно вздыхать леса.
Тишина, подпершись рукою,
Осторожно придет туда...
Лишь порою, скользнув слезою,
Упадет на гробницу звезда.

Ч Е Р Е З С Т О Л Е Т

В грядущем, через сто лет от наставшего ныне дня,
Кем ты будешь,
Читатель стихов, оставшихся от меня?
В грядущее, через сто лет от наставшего ныне дня,
Удастся ли им донести частицу моих рассветов,
Кипение крови моей,
И пенье птиц, и радость весны,
И свежесть цветов, подаренных мне,
И странные сны,
И реки любви?
Сохранят ли песни меня
В грядущем, через сто лет от наставшего ныне дня?
Не знаю, и все же, друг, ту дверь, что выходит на юг,
Распахни; присядь у окна, а потом,
Дали завесив дымкой мечты,
Вспомни о том,
Что в былом, до тебя ровно за сто лет,
Беспокойный ликующий трепет, оставив бездну небес,
К сердцу земли приник, приветом ее согрет.
И тогда же, освобожденный приходом весны из пут,

Охмелевший, безумный, самый нетерпеливый на свете
Ветер, несущий на крыльях пыльцу и запах цветов,
Южный ветер

Налетел и заставил землю цвести.

В былом, до тебя ровно за сто лет.

День был солнечен и чудесен. С душою, полною песен,

В мир тогда явился поэт,

Он хотел, чтоб слова, как цветы, цвели,

А любовь согревала, как солнечный свет,

В былом, до тебя ровно за сто лет.

В грядущем, через сто лет от наставшего ныне дня,

Поющий новые песни поэт

Принесет в твой дом привет от меня

И сегодняшней юной весны,

Чтобы песни моей весенний ручей слился, звеня,

С биением крови твоей, с жужжаньем твоих шмелей

И с шелестом листьев, что манит меня

В грядущее, через сто лет от наставшего ныне дня.

О Т Р Е Ч Е Н И Е

В поздний час пожелавший отрешиться от мира
сказал:

«Нынче к богу уйду я, мне дом мой обузою стал.

Кто меня колдовством у порога держал моего?»

Бог сказал ему: «Я». Человек не услышал его.

Перед ним на постели, во сне безмятежно дыша,

Молодая жена прижимала к груди малыша.

«Кто они — порождения майи?» — спросил человек.

Бог сказал ему: «Я». Ничего не слышал человек.

Пожелавший от мира уйти встал и крикнул: «Где ты,
божество?»

Бог сказал ему: «Здесь». Человек не услышал его.

Завозился ребенок, заплакал во сне, завздыхал.

Бог сказал: «Возвратись». Но никто его не услышал.

Бог вздохнул и воскликнул: «Увы! Будь по-твоему,
пусть.

Только где ты найдешь меня, если я здесь остаюсь».

Ж И З Н Ь Д Р А Г О Ц Е Н Н А

Знаю — виденью этому однажды конец придет.
На веки мои тяжелые последний сон упадет.
А ночь, как всегда, наступит, и в ярких лучах сиять
В проснувшуюся вселенную утро придет опять.
Жизни игра продолжится, шумная, как всегда,
Под каждую крышу явится радость или беда.
Сегодня с такими мыслями гляжу я на мир земной,
Жадное любопытство сегодня владеет мной.
Нигде ничего ничтожного не видят глаза мои,
Кажется мне бесценною каждая пядь земли.
Сердцу любые малости дороги и нужны,
Душе — бесполезной самой — нет все равно цены!
Мне нужно все, что имел я, и все, чего не имел,
И что отвергал когда-то, что видеть я не умел.

И Н Д И Я — Л А К Ш М И

О ты, чарующая людей,
Ты, о земля, сияющая в блеске солнца лучей,
великая Мать матерей,
Долы, омытые Индом шумящим, ветром — лесные,
дрожащие чаши,
С Гималайскою в небо летящей снежной короной
своей;
В небе твоём солнце взошло впервые, впервые леса
услышали веды святые,
Впервые звучали легенды, песни живые, в домах твоих
и в лесах, в просторах полей;
Ты — вечно богатство цветущее наше, народам дающая
полную чашу,
Ты — Джамна и Ганга, нет краше, привольней, ты —
жизни нектар, молоко матерей!

П Ъ Я Н Ы Й

О пьяные, в беспамятстве хмельном
Идете, двери распахнув рывком,
Вы все спускаете за ночь одну,
С пустым домой идете кошельком.
Пророчества презрев, идете в путь
Наперекор календарям, приметам,
Плутаете по свету без дорог,
Пустых деяний груз таща при этом;
Вы парус подставляете под шквал,
Канат перерубая рулевой.
Готов я, братья, ваш обет принять:
Пьянеть и — в пекло головой!

Копил я мудрость многих лет,
Упорно постигал добро и зло,
Я в сердце столько рухляди скопил,
Что стало сердцу слишком тяжело.
О, сколько я убил ночей и дней
В трезвейшей из всех людских компаний!
Я видел много — стал глазами слаб,
Я стал слепым и дряхлым от познаний.

Мой груз пустой,— весь нищий мой багаж

Пускай развеет ветер штормовой.

Я понял, братья, счастье лишь

в одном:

Пьянеть и — в пекло головой!

О, распрямись, сомнений кривизна!

О буйный хмель, сбивай меня с пути!

Вы, демоны, должны меня схватить

И от защиты Лакшми унести!

Есть семьянины, тружеников тьма,

Их мирный век достойно будет прожит,

На свете есть большие богачи,

Встречаются помельче. Кто как может!

Пускай они, как жили,— впредь живут.

Неси меня, гони, о шквал шальной!

Я все постиг,— занятие лучше всех:

Пьянеть и — в пекло головой!

Отныне я, клянусь, заброшу все,—

Досужий, трезвый разум в том числе,—

Теории, премудрости наук

И все понятия о добре и зле.

Я памяти сосуд опустошу,

Навек забуду и печаль и горе,

Стремлюсь я к морю пенного вина,

Я смех омою в этом зыбком море.

Пускай, достоинство с меня сорвав,

Меня уносит ураган хмельной!

Клянусь идти по ложному пути:

Пьянеть и — в пекло головой!

МЫ ЖИВЕМ В ОДНОЙ ДЕРЕВНЕ

В той же я живу деревне, что она.
Только в этом повезло нам — мне и ей.
Лишь залется свистом дрозд у их жилья —
Сердце в пляс пойдет тотчас в груди моей.
Пара выращенных милою ягнят
Под ветлой у нас пасется поутру;
Если, изгородь сломав, заходят в сад,
Я, лаская, на колени их беру.
 Называется деревня наша Кхонджона,
 Называется речушка наша Онджона,
 Как зовусь я — это здесь известно всем,
 А она зовется просто — наша Ронджона.

Мы живем почти что рядом: я вон там,
Тут она, — нас разделяет только луг.
Их лесок покинув, может в рощу к нам
Рой пчелиный залететь с гуденьем вдруг.
Розы те, что в час молитв очередной
В воду с гхата их бросают богу в дар,
Прибывает к гхату нашему волной;
А бывает, из квартала их весной
Продавать несут цветы на наш базар.

Называется деревня наша Кхонджона,
Называется речушка наша Онджона,
Как зовусь я — это здесь известно всем,
А она зовется просто — наша Ронджона.

К той деревне подошли со всех сторон
Рощи манго и зеленые поля.

По весне у них на поле всходит лен,
Подымается на нашем конопля.

Если звезды над жилищем их взопли,
То над нашим дует южный ветерок,
Если ливни гнут их пальмы до земли,
То у нас в лесу цветет кодом-цветок.

Называется деревня наша Кхонджона,
Называется речушка наша Онджона,
Как зовусь я — это здесь известно всем,
А она зовется просто — наша Ронджона.

* * *

О, всеединство разума, духа и бренной плоти!
Тайна жизни, которая в вечном круговороте.

От века не прерывается, исполненная огня,
В небе игра волшебная звездных ночей и дня.
Вселенная воплощает тревоги свои в океанах,
В скалах крутых — суровость, нежность — в зорях
багряных.

Сплетенье существований, движущихся повсюду,
Каждый в себе ощущает, как волшебство и чудо.
Сквозь душу порой проносятся неведомых волн
колебания,
Каждый в себе вмещает вечное мироздание.

Ложе соединенья с владыкою и творцом,
Престол божества бессмертный ношу я в сердце моем.
О, красота беспредельная! О, царь земли и небес!
Я создан тобою, как самое чудесное из чудес.

* * *

Ради грядущего утра, что счастья зажжет огни,
Отчизна моя, мужайся и чистоту храни.
Будь и в цепях свободной, свой храм, устремленный

ввысь,

Праздничными цветами украсить поторопись.
И пусть благоухания воздух твой напоят,
И пусть вознесется к небу растений твоих аромат.
В безмолвии ожидания, пред вечностью преклонясь,
Со светом незаходимым живую почувствуй связь.
Что же еще утешит, возрадует, укрепит
Среди тяжелых напастей, утрат, испытаний, обид?
И славы сверканье чистое твое озарит чело,
И станет внезапно всюду торжественно и светло.
Престолы свои в подножье Грядущего преврати,
Для которого все планеты — лишь пыль на его пути.

* * *

Когда-то, свадебным смущенная нарядом,
Здесь, в мире суеты, со мной ты стала рядом,
И было трепетно соприкасание рук.
По прихоти ль судьбы все совершилось вдруг?
То был не произвол, не беглое мгновенье,
Но тайный промысел и свыше повеленье.
И прожил я свой век с любимой мечтой,
Что будем, ты и я, единством и четой.
Как из души моей ты черпала богато!
Как много свежих струй влила в нее когда-то!
Что создавали мы в волнении, в стыде,
В трудах и бдениях, в победах и беде,
Меж взлетов и потерь,— то, навсегда живое,
Кто в силах довершить? Лишь мы с тобою, двое.

* * *

Нисходит полумрак и синим краем сари
Окутывает мир в его грязи и гари,—
Дом развалившийся, одежды рваной срам.
О, пусть, подобная спокойным вечерам,
Скорбь о тебе сойдет в мой бедный дух и мглою
Всю жизнь окутает с ее тоской былою,
Когда влачился я, изношен, хил и хром.
О, пусть она в душе, сливая зло с добром,
Мне начертает круг для золотой печали.
Желаний в сердце нет, волненья замолчали...
Да не предамся вновь глухому мятежу,—
Все бывшее ушло... Туда я отхожу,
Где пламя ровное в светильнике свиданья,
Где вечно радостен владыка мирозданья.

* * *

Я, как безумный, по лесам кружу.
Как мускусный олень, не нахожу
Покоя, запахом своим гонимый.
О, ночь фальгуна! — все несется мимо:
И южный ветер, и весны дурман.
Какая цель меня во мгле манила?..
К чему стремлюсь — безумье и обман,
А что само дается, мне не мило.

И вырвалось желанье из груди.
То мечется далеко впереди,
То вырастает неотвязным стражем,
То кружит вокруг меня ночным миражем.
Теперь весь мир моим желаньем пьян,
А я не помню, что меня пьянило..
К чему стремлюсь — безумье и обман,
А что само дается, мне не мило.

Увы, моя свирель сошла с ума:
Сама рыдает, буйствует сама,
Сошли с ума неистовые звуки.

Я их ловлю, протягиваю руки...

Но мерный строй безумному не дан.

По морю звуков мчусь я без кормила...

К чему стремлюсь — безумье и обман,

А что само дается, мне не мило.

* * *

Тяжесть вязкой смолы в аромате мечтает излиться,
Аромат навсегда в смоле затвориться готов.
И мелодия просит движенья и к ритму стремится,
И торопится ритм к переключке певучих ладов.
Ищет смутное чувство и форму, и четкие грани.
Форма меркнет в тумане и тает в бесформенном сне.
Безграничное просит границ и тугих очертаний,
И предел растворяется вновь в беспредельной волне.
Кто в веках утвердил законы старинного спора:
Созидание — в смерти, в покое — огонь мятежа?
Все стесненное молит свободы и жаждет простора,
А свобода — ищет жилища и ждет рубежа.

* * *

Та женщина, что мне была мила,
Жила когда-то в этой деревеньке.
Тропа к озерной пристани вела,
К гнилым мосткам на шаткие ступеньки.

Название этой дальней деревушки,
Быть может, знали жители одни.
Холодный ветер приносил с опушки
Землистый запах в пасмурные дни.

Такой порой росли его порывы,
Деревья в роще наклонялись вниз.
В грязи разжиженной дождями нивы
Захлебывался зеленевший рис.

Без близкого участия подруги,
Которая в те годы там жила,
Наверное, не знал бы я в округе
Ни озера, ни рощи, ни села.

Она меня водила к храму Шивы,
Тонувшему в густой лесной тени.
Благодаря знакомству с ней я живо
Запомнил деревенские плетни.

Я б озера не знал, но эту заводь
Она переплывала поперек.
Она любила в этом месте плавать,
В песке следы ее проворных ног.

Поддерживая на плечах кувшины,
Плелись крестьянки с озера с водой.
С ней у дверей здоровались мужчины,
Когда шли мимо с поля слободой.

Она жила в окраинной слободке,
Как мало изменилось все вокруг!
Под свежим ветром парусные лодки,
Как встарь, скользят по озеру на юг.

Крестьяне ждут на берегу парома
И обсуждают сельские дела.
Мне переправа не была б знакома,
Когда б она здесь рядом не жила.

* * *

Кто ты, далекий? Запела вдали
Флейта... Качнулась, танцует змея,
Слыша напев незнакомой земли.
Чья это песня? В какие края
Флейта сзывает нас... флейта твоя?
Кружишься ты. Разметались, взвились
Волосы, кольца. Как ветер легка,
Рвется накидка твоя в облака,
Дугами радуги брошена ввысь.
Блеск, пробуждение, смятение, взлет!
В водах волнение, чаща поет,
Крылья шумят. От глубин до высот
Все раскрывается — души и двери,—
Флейта твоя в потаенной пещере,
Флейта к тебе меня властно зовет!

Низкие ноты, высокие ноты —
Звуков смешение, волны без счета!
Волны на волны и снова волна!
Звуки врываются в край тишины,—
В щели сознания, в смутные сны,—
Солнце пьянеет, тонет луна!

Танец восторженный ближе и ближе!
Вижу потайное, скрытое вижу,
Вихрем охваченный, в радости жгучей:
Там в подземелье, в пещере, в ущелье,
Флейта в руках твоих! Флейты веселье,
Пьяную молнию вырвав из тучи,
В землю врывается из темноты
Соками — в чампу, в листы и цветы!
Словно валы, напролом, сквозь запруды,
Внутрь сквозь стены, сквозь толщу, сквозь
груды
Камня — в глубины! Повсюду! Повсюду
Зов и заклатье, звенящее чудо!
Мрак оставляя,
Ползет вековая
Скрытая в сердце-пещере змея.
Свитая мгла
Тихо легла,—
Флейта ей слышится, флейта твоя!

О, зачаруй, заколлуй, и со дна
К солнцу, к ногам твоим выйдет она.
Вызови, вызволи, вырви из теми!
В ярком луче отовсюду видна,
Будет, как пена, как вихрь и волна,
Слитая в танце со всем и со всеми,
Виться под звон,
Распустив капюшон.
Как подойдет она к роще в цвету,
К небу и блеску,
К ветру и всплеску!
Пьяная светом! Вся на свету!

* * *

О, я знаю, пройдут
Мои дни, пройдут,
И в каком-то году предвечерней порою
Потускневшее солнце, прощаясь со мною,
Улыбнется мне грустно
В одну из последних минут.
Будет флейта протяжно звучать при дороге,
Будет мирно пастись возле заводи
вол круторогий,
Будет бегать ребенок у дома,
Птицы песни свои заведут.
А дни пройдут, мои дни пройдут.

Прошу об одном,
Об одном умоляю я:
Пусть узнаю перед уходом,
Зачем был я создан,
Для чего цозвала меня
Зеленеющая земля?
Зачем меня заставляло ночей молчание
Слушать звездных речей звучание,

Зачем, зачем волновало
Душу сиянье дня?
Вот о чем умоляю я.

Когда мои дни пройдут,
Земной окончится срок,
Хочу, чтобы песня моя до конца дозвучала,
Чтобы ясная, звучная нота ее увенчала.
Чтобы жизнь приносила плоды,
Как цветок,
Хочу, чтоб в сиянии жизни этой
Увидал я твой облик светлый,
Чтоб венок свой
Надеть на тебя я мог,
Когда окончится срок.

* * *

Когда страданье приведет
Меня к порогу твоему,
Ты позови его и сам
Дверь отвори ему.
Оно все бросит, чтоб взамен
Изведать рук счастливый плен;
Тропою поспешит крутой
На свет в твоём дому...
Ты позови его и сам
Дверь отвори ему.

От боли песней исхожу;
Заслушавшись ее,
Хоть на минуту выйди в ночь,
Покинь свое жилье.
Как стриж, что бурей сбит во мгле,
Та песня бьется на земле.
Навстречу горю моему
Ты поспеши во тьму,
Ах, позови его и сам
Дверь отвори ему.

В С Е У Н И Ч Т О Ж Е Н И Е

Везде царит последняя беда.
Весь мир она наполнила рыданьем,
Все затопила, как водой, страданьем.
И молния средь туч — как борозда.
На дальнем бреге смолкнуть гром не хочет,
Безумец дикий вновь и вновь хохочет,
Безудержно, не ведая стыда.
Везде царит последняя беда.

Разгулом смерти жизнь пьяна теперь,
Миг наступил — и ты себя проверь.
Дари ей все, отдай ей все подряд,
И не смотри в отчаянье назад,
И ничего уж больше не таи,
Склоняясь головою до земли.
Покоя не осталось и следа.
Везде царит последняя беда.

Дорогу должно выбрать нам сейчас:
У ложа твоего огонь погас,
В крошечном мраке затерялся дом,

Ворвалась буря внутрь, бушует в нем,
Строенье потрясает до основ.
Неужто ты не слышишь громкий зов
Твоей страны, плывущей в никуда?
Везде царит последняя беда.

Стыдись! И прекрати ненужный плач!
От ужаса лицо свое не прячь!
Не надвигай край сари на глаза.
Из-за чего в душе твоей гроза?
Еще твои ворота на запоре?
Ломай замок! Уйди! Исчезнут вскоре
И радости и скорби навсегда.
Везде царит последняя беда.

Ужель твой голос скроет ликование?
Неужто в пляске, в грозном колыханье
Браслетам на ногах не зазвучать?
Игра, которой носишь ты печать,—
Сама судьба. Забудь, что было прежде!
В кроваво-красной приходи одежде,
Как ты пришла невестою тогда.
Везде, везде — последняя беда.

Т Р У Б А

Твоя труба лежит в пыли,
И не поднять мне глаз.
Стих ветер, свет погас вдали.
Пришел несчастья час!
Зовет борьба борцов на бой,
Певцам приказывает — пой!
Путь выбирай быстрее свой!
Повсюду ждет судьба.
Валяется в пыли густой
Бесстрашная труба.

Под вечер шел в молельню я,
Прижав цветы к груди.
Хотел от бури бытия
Надежный кров найти.
От ран на сердце — изнемог.
И думал, что настанет срок,
И смоем грязь с меня поток,
И стану чистым я...
Но поперек моих дорог
Легла труба твоя.

Свет вспыхнул, озарив алтарь,
Алтарь и темноту.
Гирлянду тубероз, как встарь,
Сейчас богам сплету.
Отныне давнюю войну
Окончу, встречу тишину.
Быть может, небу долг верну...
Но вновь зовет (в раба
В минуту превратив одну)
Безмолвная труба.

Волшебным камнем юных лет
Коснись меня скорей!
Пускай, ликуя, льет свой свет
Восторг души моей!
Грудь мрака черного пронзив,
Бросая в небеса призыв,
Бездонный ужас пробудив
В краю, что тьмой одет,
Пусть ратный пропоет мотив
Труба твоих побед!

И знаю, знаю я, что сон
От глаз моих уйдет.
В груди — как в месяце срабон —
Ревут потоки вод.
На зов мой кто-то прибежит,
Заплачет кто-нибудь навзрыд,
Ночное ложе задрожит —
Ужасная судьба!
Сегодня в радости звучит
Великая труба.

Покая я хотел просить,
Нашел один позор.

Надень, чтоб тело все закрыть,
Доспехи с этих пор.
Пусть новый день грозит бедой,
Останусь я самим собой.
Пусть горя, данного тобой,
Наступит торжество.
И буду я навек с трубой
Бесстрашья твоего!

•

ПОДАРОК

О любимая, чем же тебя одарю,
Встречая зарю?
Не рассветною ль песней? Но солнце все горячей,
И заря угасает от жгучих его лучей.
Жаркий ветер повеял, колебля
Рдяный венчик ее на дрожащем стебле,
Лепестки осыпаются, ослабев,
Замирает напев.

О подруга, чего же ты ждешь от меня,
Подойдя к моей двери на склоне дня?
Какой подарок тебе вручу?
Не вечернюю ль эту свечу?
Но ее огонек еле-еле мерцает сквозь мглу
В одиноком моем углу.
Ты хотела бы людям сияющий свет нести,
Но чтоб выдержать ветер, где силы ему найти!
Он угаснет в пути.

Может быть, самоцветы, нанизанные на нить?

Но зачем же тебе терпеть мученье тенет,
Ожерелья гнет?
Скоро ль, нет, а настанет мгновение это,
Когда разорвется нить, рассыплются самоцветы,
И ладони твои
Их тяжелой струи
Не сумеют сдержать второпях,—
Мой подарок исчезнет в пыли, обратится в прах.
Не лучше ль, когда, не загадывая ни о чем,
Бродя одиноко в цветущем саду моем,
Затрепещешь ты от душистого дуновенья,
Замрешь на мгновенье,
И этот нечаянный дар живой
Будет навеки твой.
Блуждая в садах, мой прекрасный друг,
Очарованно глядя вокруг,
Ты заметишь вдруг,
Как выскользнет луч из вечерней зари,—
Посмотри на него, посмотри,—
Он коснется мечтаний твоих трепетом тайных чар...
Бери этот дар, мой нечаянный дар,
Бери...

Богатство мое в зарницах, мерцающих пощно
и денно.
Оно возникает мгновенно, исчезает мгновенно.
У него названия нет, но запомни его приметы,—
Воздух вдруг запоет, зазвенят на ногах браслеты...
Я и сам не знаю к сокровищнице пути,
Руками ее не взять, словам до нее не дойти.
Так возьми же сама, что сочтешь ты всего
желанней,
Всего чудесней,—

Тем дороже подарок, чем он неожиданней,
Чем неизвестней,
Как дуновение благоуханья,—
Цветок иль песня...

НЕВЕДОМОЕ

О, плоть моя — мой утлый плот. Вдаль отплывает он,
Течение дней пересекает он.

Преодолею времени стремнину —
И плот покину.

Потом и знать мне ни к чему, где, как блуждает он,
Просторы света или тьмы пересекает он.

К неведомому я иду. В дороге радость встречи,
Преодоление всех противоречий.

Едва я, на свою беду,

К изведанному в сети попаду,
Уже неведомое здесь, и в страхе, не переча,
Известное уходит. Миг — и я расправил плечи.

Неведомое — кормчий мой, свободный мой порыв,
Я связан с ним навек, покуда жив.

Свиданье с ним страшит, но тягостна разлука.

О страсть моя и мука!

Оно, от мудрецов свой взор с презреньем отвратив,
Жемчужину освободит, жемчужину разбив.

Оглядываешься назад,— там дней твоих начало.

Твоя душа — у старого причала?

К покинутому берегу не пристать,

Не возвратишься вспять.

Немало уstraшенных душ бывое в сеть поймало.

Смелее пути разрывай! Неужто силы мало?

Пора собранью разойтись,— часов донесся бой.

Идет прилив высокою волной.

Еще шагов незримого не слышишь,

Стоишь — не дышишь.

Каким окажется оно? Где встретится с тобой?

Какие дали ждут тебя и берег ждет какой?

В Е С Н А

Та весна, что однажды бушевала победно
Со свитой своей пестроцветной,
Мой двор наполняла и смехом, и звоном, и гулом,
Цветя золотистым канчоном, белопенным парулом,
Оживляя дыханьем и трепетом каждый куст
И волнуя небесную синь поцелуями алых уст,—
Та весна воротилась, но дом мой печален и пуст.
Опустилась она на порог одинокого дома,—
Тут все ей знакомо и незнакомо,—
И глядит она вдаль, где рощи под дымкой сквозной
Неразличимы с небесною голубизной.

В О С П О М И Н А Н Ь Е

Я никогда не вспоминаю мать,
И лишь порой, когда я выбегаю
На улицу — с мальчишками играть,
Какая-то мелодия внезапно
Овладевает мной, не знаю где родясь,—
И кажется мне, словно это мама
Вошла ко мне, с моей игрой слилась.
Она, качая колыбель мою,
Быть может, эту песню напевала,
Но все ушло, и мамы больше нет,
И песни маминой не стало.

Я никогда не вспоминаю мать.
Но в месяце ашшин, средь зарослей жасмина,
Как только начинает рассветать,
И влажен ветер, пахнущий цветами,
И тихо плещется волна,
В моей душе встают воспоминанья
И мне является она.
И верно, мама часто приносила
Цветы, чтоб вознести моления богам;

Не оттого ль благоуханье мамы
Я слышу всякий раз, входя во храм?

Я никогда не вспоминаю мать.
Но, глядя из окошка спальной
На мир, который взором не обнять,
На синеву небес, я чувствую, что снова
В мои глаза глядит она
Внимательным и нежным взглядом,
Как в золотые времена,
Когда, меня сажая на колени,
Она смотрела мне в глаза.
И взор ее тогда во мне запечатлелся,
И от меня закрыл он небеса.

Б Л А Г О Д А Р Н Ы Й

«Не забуду», — сказал я глазам твоим, полным слез.
Прости, если забуду. Столько осыпалось роз
После того поцелуя, столько весен минуло,
Столько раз увядали цветы паруба,
Чтобы вновь расцвести, а голуби в знойный час
Прилетали сюда, чтобы вновь улететь, — столько раз...
Взгляд твоих черных очей
Первой любви посланье в душе моей
Запечатлел... Но на каждом слове твоём
И свет возникал, и тени скользили — день за днем,
И столько закатов слова твои покрывали
Золотом забытья, и столько ночей, что едва ли
Я счесть их могу, — писали по строчкам твоим
Что-то свое, понятное только им.
Рисуя, как дети, — и вкось и вкривь, — сменялись
Мгновенья.

Не распутать, не разорвать эту сеть забвенья,—
Я бессилен, если оно овладеет мной...
Если ту весну я забуду этой весной
И светильник печали сюда не смогу донести,
Если пламя угаснет — прости.

Но знаю, что ты когда-то была.

Тогда и возникли песни, и не было им числа,
Они и сегодня звучат еще... В миг единый
Солнечный свет мне их подсказал, зазвенела вина,
И все это — взгляд твой... Я больше не встречу его,
Но в сердце моем осталось твоё волшебство,—
Этот дивный мир и сегодня озаряет душу мою,
Безотчетную радость чашею полной пью.
Прости, если забуду... Но ты позвала меня
Сердцем когда-то. Во имя этого дня
Прощаю судьбе все горести, все печали,
Все, чем терзала, забыв, что было вначале,
Прощаю, что счастье мое обернулось бедой,
Что от жаждущих губ моих чашу с водой
Судьба отняла, и обманывала, и лишала силы,
И груженую лодку возле причала топила,—
Все прощаю... А ты, ты уходишь в далекую даль.
Вспоминая твой облик, погружается вечер в печаль.
Жизнь без друга в доме опустевшем не радостна,
не светла.

Больше всего благодарен тебе, что ты была.

Б Ы Т Ь М О Ж Е Т

Прости, если я, преисполнясь гордыни,
Поверю пригрезившейся картине:
Семнадцатилетняя — в еще не пришедшие
времена —

Ты читаешь стихи мои в одиночестве у окна,

А в небе плывет луна.

Безмолвие ночи трепещет в ритмах стиха,

Былая мелодия льется, нежна и тиха,

И радость, быть может, блеснула в глубине

девических глаз,

И, может быть, ты шепнула: «Если б он жил сейчас,

Меня он любил бы, наверно, и тосковал обо мне...»

А может быть, говоришь ты: «Он не вернется, нет,

Но лишь для него этой ночью горит одинокий свет

В моем окне».

П Р А З Д Н И К П О С А Д К И
Д Е Р Е В Ь Е В

ЗЕМЛЯ

Богатства сердца, клад сокровенный
В сердце, земля, прими!
Теснее в день сей благословенный
Сдружись с людьми.
Да будет крепость в стволах,
Нежность — в цветах.
В мир пошли голосистых птах
Оповестить о твоих дарах.

ВОДА

Туча, ударь в медь Индры! Громовым гулом раската
Прогрохочи в синеве! Пусть, радостной дрожью объято,
Пробудится дерево! В лес его позови на чудесный
Праздник счастливой земли — «Окропления влагой
небесной».

СВЕТ

О свет, божественный свет, о первое слово творенья!
Взгляни на саженец юный ты взором благоволенья!
Обильно тебя наградит благодарное дерево цветом.
До времени слово храни под строгим и нежным
запретом,—
Когда же, налившись огнем, забушуют листья
и соцветья,
Пусть гимн победный тебе гремит и не молкнет
столетья!

ВЕТЕР

О ветер, что медлишь? Зачем не летишь?
Уже я в прохладе свирель твою слушал,
Уже ты лесов опаленную тишь
Дыханием первым нарушил..
А дерево к играм тебя пригласит,—
Подай ему песню из щедрой ладони,
Его обучи,— чтобы краски и ритм
Смогли зазвучать в разволнованной кроне.

НЕБО

О небо! Взором ласковым из недр вызываешь ты
Земное воплощение таинственной красоты.
Зовешь — и темный образ, когда-то зачатый, где-то,
Уже совершенства ищет, впивая амриту света.
Душа молодого дерева в лазури твоей возмужала,
Свою ты безбрежность синюю с зеленой листвою
смешало.
Благослови же на счастье ты юные деревья,—
О, пусть лесные создания узнают любовь божества!

Р А Д О С Т Ь

Созвездий танец ритмом первозданным
Наполнил это тело с гибким станом.
Не радуга ли воплотилась в ней,
Когда прошла пора дождей?
Небесных дев персты
Ее лица наметили черты
Тончайшей кистью рисовальной.
Певучий смех ей дан и голос музыкальный,
А нежностью и белизной рука
Поспорит с лотосом, раскрывшимся слегка.
Ее глаза — двоякий черный пламень.
Как радости река, тоски сдвигая камень,
Она сама — свободы воплощенье —
Душе подавленной несет освобожденье.
В ее походке — струн звучат напевы.
Наверно, «Радость» — имя этой девы.

У Т Р Е Н Н Я Я З А Р Я

Она дыханьем жизни юной
Как будто наполняет час безлунный,—
 Таинственную пору,
Невидимую внутреннему взору,
Когда над гущей тьмы, где притаился сон,
Восходит солнце и, не сразу пробужден,
Весь лес как бы охвачен легкой дрожью,
Бегущей от вершин деревьев к их подножью.
Неясным трепетом пронизан воздух,
 А в птичьих гнездах
Еще невнятен щебет и незвонок,
Как проба голосов спросонок.
Каким-то изумленным созерцаньем
 И смутным ожиданьем
Неведомых чудес
Наполнен лес.
Ее душа еще во власти сна,
И в то же время бодрствует она,
Предчувствуя глубокий смысл восхода;
Вся — чистота, бесстрашие и свобода,
Она — самой себя блестящее открытье,

Но это лишь безмолвное наитье.
Ее величье — тайное, оно
В моей душе отражено.
Незримой колесницы шум
И вины золотой звучанье будят ум.
Речей обрывки и напевы
Проникнут исподволь в сознание девы.
Подобно лотосу, раскроется душа,
Молитву солнцу вознести спеша.
Благословляя жизни ликование,
Ее сияние, цвет, благоухание,
Проснется новый день и раскует сознание.
С него спадут оковы сна,
Корысти путы, страсти пелена.
Дыхание ночника, отравленное чадом,
Развеет ветер, чье дыхание пахнет садом.
Она — как солнцу гимн, как славословие свету,
Я «Утренней Зарей» назвал бы деву эту.

В О З В Р А Щ Е Н И Е

В дни расцвета весны ты ушел по одной из дорог,
У тебя на челе не увял еще брачный венок.
Но какую же весть южный ветер принес на крылах?
Вечный странник, куда ты ушел со свирелью в руках?
Не взглянул ты назад и не видел, как вины своей
Струны трогала я. В бликах света и в пятнах теней
Листья чуть шелестели, и ночь в ароматах плыла.
Сколько долгих ночей дверь в беседку открытой была,
Сколько дней на пороге ждала я и сколько часов
Рисовала священный узор! Над корзиной даров
Я душистое масло сжигала. Немало уж лет
Я тебя ожидаю, а встречи желанной все нет.
Видно, мне суждено бесконечно томиться и ждать...
Но, уйдя от меня, ты меня же и станешь искать.
Пусть покинута я — ты в блужданиях своих не забудь:
Ты тем ближе ко мне, о любимый, чем дальше твой
путь,
И куда б ни направился ты, завершение дорог
Приведет неизбежно скитальца на мой же порог.
Не порвется вовек наши жизни связавшая нить...
О мой друг! Возвращайся! Тебя я не стану бранить.

В безграничном прощении горечь обид растворив,
Я тебя позвала — и откликнулся ты на призыв.
Я жена твоя так же, как в утро блаженного дня,
И сквозь тьму расставанья ты снова глядишь на меня;
Небывалая радость сошлась с возрожденной душой,
Словно звезды, что слили сияние с ясной зарей.
Нет сегодня свирели и яркой гирлянды огней,
Встречу праздник одна я, не в брачной одежде своей
И без всех украшений. Когда молодая луна
Встанет в небе вечернем, еще и слаба и скромна,
Над холмами сияя в тот полный спокойствия час,
Пусть безмолвно расскажет она своим светом про нас!

М А Л Ь Ч И К

Когда-то, мальчиком, я в знойное затишье
Любил лежать на крыше
Над комнатною угловой.
Так, прислонившись к двери головой,
Лежал я на циновке, одинокий,
Отвергнув школу и уроки.
Кричал о чем-то коршун в вышине,
Листва дерев слегка дрожала в тишине,
Вороны, клюв раскрыв от жажды,
Садились на забор. На выступ каждый
Слетались воробьи с веселой перепалкой,—
Они устроились в углу, за балкой,
Торговец уличный орал на весь квартал,
И кто-то с крыши змея запускал.
Порой, как смутный зов,
Мне слышался в домах соседних бой часов,
И даль неведомого дня
Волшебной музыкой звучала для меня.
Мой праздный ум чего-то ждал,
И я мечтал и трепетал
То ль от любви непостижимой, то ли
От беспричинной боли.

Казалось, на́ небо, на светозарный луг,
Меня зовет незримый друг.
Теперь мне семьдесят. Не мальчик я давно,
Но распахнул в душе окно —
И, как в мальчишеские годы, снова
Смотрю я вдаль в конце пути земного.
Томимая жарой,
Листва сиріса зыблется порой.
Под тенью тамаринда, у колодца,
Дворовый пес лежит, не шелохнется,
Он чувствует, дремля,—
Нежна, влажна прохладная земля.
Лежит усталый вол, свой труд закончив тяжкий,
Освободясь на время из упряжки.
Листва гардении зачахла на припеке
И сохнет, скудная, чтоб возродиться в соке...
Все вижу я, всего касаюсь острым глазом,
Во всем живет мой разум,—
Как мальчик, оголен, он стал ясней и проще,
Вот он сливается с зеленой тенью рощи,
С заоблачною синевою,
С которой связью связан я живой.
Но в мире, где мне все давным-давно известно,
Вдруг раковины зов рождается чудесно,
Тогда мне кажется, что на короткий миг
Движенье тайное вселенной я постиг.

Н Е С М Ы Ш Л Е Н Ы Й У М

Незрелый ум.
Как будто из окон,
Из глаз дитяти робко смотрит он.
О, мыслей бессловесная игра!
Схватить и бросить!
Только детвора
Способна с воплем побежать, и сесть,
И снова побежать.
Зачем — бог весть.
И снова это повторить раз сто,
Хотя причины не было на то.
Мир будет вокруг него сверкать, звучать,
И слышать звуки он, и отвечать
Он будет им,
Бессмысленный герой,
Своею неразумною игрой.

О бессловесный ум,
О ум немой,
Водою душу медленно омой!
То остро любопытен,

То смущен,
На целый мир он сразу обращен.
Нет, не сейчас возник он!
По воде
Он прежде, первобытный, плыл в ладье,
Он появился в утренней тиши
Внутри Поэта — в озере души.
Средь беспросветной бездны, одинок,
Он вдруг возник — дрожащий огонек.
Он появился в лепете без слов,
Как птичий щебет,
Как оленя зов.
Среди цветов, ветвей, семян и мхов,
Средь древних рощ, в мелодиях стихов,
Он вдруг возник,
Не зная ни аза,
Поднявши к солнцу влажные глаза.

То он по-детски весел, то сердит;
И собственных игрушек не щадит
Ни этих он, ни тех.
Кто ж он такой?
То слезы вдруг, то смех.

Бездумный и живой морской простор
Напоминает мне дитяти взор,
Что прямо в небо устремлен, без дум —
Там недозревший, неразумный ум
Таится где-то в самой глубине,
Под колыханием воды, на дне.
Как стонет море! Снасти напрочь рвет!
Само не знает, почему ревет.
Нет повода, нет никаких причин
Негодованью плачущих пучин,

Оно вопит во тьме и на свету,
Простерши глупо руки в пустоту.

Ум неразумный! Хочет он найти
В истории себя, он без пути
Бредет. Из комнаты на двор,
Оттуда в поле, на простор,
В дремучие леса.
Он топает ногами, в небеса
Восходит пыль. Он подымает вой
И бьется о деревья головой.
Увидев свет вдали, к нему бежит,
Поймать желая, по полю кружит.
И, как дитя, упав,
Лежит средь трав,
Мечты и явь в себе перемешав.

Т Р И Д Ц А Т Ь Л Е Т Н А З А Д

Прошедшее встает в моей душе опять,—

Мне двадцать пять:

Давно то было — тридцать лет назад...

Я вижу вновь тот самый дом и сад.

Сюда приехал я закатною порою

На краткий срок. Я помню: за горою

Пылало солнце, полное огня,

Над соснами лицо свое склоня.

На скаты гор ложились тени сосен,

А в облаках вершин темнела просинь.

В день изо дня

Знакомый шум шагов приветствовал меня:

То почтальон являлся длинноногий

На гравием усыпанной дороге.

Он точен был всегда... Как быстро пролетели

Вслед за неделями недели!

Как в давние года, пылает солнце снова

Над рощею сосновой,

И тени вечера звенят, как в те года,

У скал, где горная волнуется вода,
И снова за звездой звезда,
Как в те года,
Молитвы шепчет горному отрогу.
И только на мою дорогу
Теперь, когда я жизнью утомлен,
Не вышел почтальон.
Но все же почему поверил я надежде?
Сегодня, как и прежде,
На почту, за три мили, без нужды
Пошел я, обогнув сады.
Колеблясь, полчаса я пробродил вокруг.
К почтовым служащим, решившись вдруг,
Я подошел, спросил: «Есть почта мне?» В ответ
Услышал: «Нет».
Задумавшись, в тоске неясной и немой
Я повернул домой.
Когда же к своему приблизился я дому,
Печальному, пустому,
И трепетала в сумраке листва,
Какой-то женщины услышал я слова,—
Сказала спутнику (а в голосе — тревога):
«Будь завтра непременно, ради бога».
Вечерний сумрак скрыл обоих скоро,
Оставив мне обрывок разговора.
Я боль в своей душе почувствовал опять,
Как в те года, когда мне было двадцать пять,
Когда, как песня звезд, мятежно и влюбленно
Шаги звенели почтальона.

У Д И В Л Е Н И Е

Я проснулся. За окном мрак ночной исчез.
Мир раскрылся, как цветок. Чудо из чудес.
Поражен я! Сколько звезд и материков
Не оставило следа. Сколько лет, веков
Пролетело. Где герой, наводивший страх?
Только тень его живет в сказках и стихах,
Сам истлел давным-давно... Не сочтешь племен,
Возводивших на костях стройный лес колонн.
Возникали города. Где они? Зола.
В смерче гибельном времен мне на лоб легла
Метка — солнца ранний луч, светлый знак небес.
Я проснулся. Вот оно — чудо из чудес.

Пред собранием светил встал я в полный рост,
Гималаи предо мной, семь небесных звезд —
Семь великих Мудрецов. Вот и океан,
Там, где Рудра — грозный бог, от веселья пьян,
Пляшет шумно в брызгах волн... Вот и древний ствол.

Я столетий письменна на коре прочел.
Столько рухнуло при нем тронов, что не счесть.
Как-то этот исполин разрешил мне сесть
Под своей густой листвой... И безмолвный звон
Донесло к моим ушам колесо времен.

В О С Т О К

О, пробудись, Восток седой!
Сокрылся ты во тьме густой
Извечной, бесконечной ночи
Но сон твой с каждым днем короче,
Исчезнет он с рассветною звездой.
О, пробудись, Восток седой!

Поет сверчок, звенит цикада,—
Нам песен их ночных не надо!
Лишь свету утра сердце радо,
Сверканью, шуму жизни молодой.
О, пробудись, Восток седой!

Я верю: ты воспрянешь снова
От одного живого слова!
Мир, засверкав светло и ново,
Оденется одеждой золотой.
О, пробудись, Восток седой!

Чтоб солнце дней твоих сияло,
Сбрось мертвой снычки покрывало
И гордо жить начни сначала,
Отвергнув неподвижность и застой.
О, пробудись, Восток седой!

Ты слышишь? Век зовет новый:
«Открой мне дверь, сорви оковы!
Пусть, озарив твой лик суровый,
Взметнется пламя вольности святой!»

О, пробудись, Восток седой!
Все громче новизны призывы,
Как будто рог не молкнет Шивы.
Прими же в руки дар счастливый —
Цветы, что блещут юной чистотой...
О, пробудись, Восток седой!

* * *

Родник мелодии твоей журчит в краю пустынном.
Я молча перед ним стою с наполненным кувшином
Садится солнце за горою дальней,
Оттуда посылая свет прощальный.
Я слушаю потока звук печальный,
Глаза рассеянно следят за журавлиным клином,
Родник мелодии твоей журчит в краю пустынном.

Весь день владели мной дела житейские и нужды.
Но отрешился я от них, сейчас они мне чужды.
Не стану больше воздавать им дани.
В стране, лежащей вне людских желаний,
К исходу дня я, после всех скитаний,
Блаженство, данное тобой, богатством счел единым.
Родник мелодии журчит в краю пустынном.

* * *

Я бесконечен. Своим ты играешь созданием:
Опустошаешь — и вновь наполняешь дыханьем.
Сколько со мной, незатейливой флейтой своей,
Ты исходил берегов, и холмов, и полей;
Сколько напевов сыграл ты на ней!
С кем поделюсь ликованием?

Сладостно сердцу от прикосновенья святого
Плещет восторг через край, и рождается слово.
То, что вмещается в горсточке малой моей,—
Дар нескончаемый, длящийся множество дней
Сколько, о, сколько веков из ладони твоей
Брать буду снова и снова?

* * *

По ночам под звуки флейты бродят звездные стада.
Ты коров своих, незримый, в небесах пасешь всегда.
Светоносные коровы озаряют сад плодовый,
Меж цветами и плодами разбредаясь кто куда.
На рассвете убегают, лишь клубится пыль вдогон.
Ты их музыкой вечерней возвращаешь в свой загон.
Разбредись я дал желаньям, и мечтам, и упованиям.
О пастух, придет мой вечер — соберешь ли их тогда?

* * *

Под обаяньем лунных чар мечты кружат в просторе,
Летят, летят, летят ко мне, как птицы из-за моря,
В напевах света и теней уносят в даль минувших дней,
«Приди, приди, приди»,— зовут, напевам вторя.
Зовут к виденьям давних лет, к ночам весны моей.
И друга ищут там, где свет мерцает средь теней,
Где боль, не узнанная мной, печаль моей поры иной,
Сквозь слезы шепчет: «Горе, горе, горе!»

* * *

Из тьмы я пришел, где шумят дожди. Ты сейчас одна,
взаперти.

Под сводами храма твоего путника приюти!

С дальних троп, из лесных глубин принес я тебе
жасмин,

Дерзко мечтая: захочешь его в волосы ты вплести.

Медленно побреду назад в сумрак, полный звона цикад,

Ни слова не произнесу, только флейту к губам поднесу,

Песню мою — мой прощальный дар — посылая тебе
с пути.

* * *

И солнце есть, и звезд не счесть в просторах бытия.
Лишь оттого, что средь всего свой путь нашел и я,—

Проснулась в изумленье песнь моя.

Зыбучий океан времен — он и во мне отображен.

И оттого, что дрожь его — сквозь сердце бьющая струя,

Проснулась в изумленье песнь моя.

Уединяясь, я бродил в лесной глуши, дневной тиши,

И оттого, что вздох цветов проникнул в глубь моей
души,

И оттого, что лес дарил и блеск листвы, и плеск

ручья,—

Проснулась в изумленье песнь моя.

Был ясен взор и чуток слух, с душой земли слился

мой дух,

И оттого, что тайны тайн я окликал из забвения,—

Проснулась в изумленье песнь моя.

* * *

Песни птиц отзвенели, полдень зноен и сух.
Заиграй на свирели, одинокий пастух!
На равнине, на дальнем краю, Рудра слушает песню
твою,

Предается мечтаньям, превращается в слух,
Лишь вдали на свирели заиграет пастух.
Вдруг все небо объял, полный жажды и муки,
Еле слышимый вздох нестерпимой разлуки,
Разразился неожиданно резкий треск барабана,
От предгрозя темнея, воздух влагой набух...
Одиноко играет на свирели пастух.

* * *

Из тучи — грохот барабана, могучий рокот
непрестанный...
 Волна глухого гула мне сердце всколыхнула,
 Его биенье в громе потонуло.
 Таилась боль в душе, как в бездне, — чем горестней,
тем бессловесней,
 Но ветер влажный пролетел, и лес протяжно
зашумел,
 И скорбь моя вдруг зазвучала песней.

* * *

Над рощей в огненном цвету проходят тучи синей
тенью.

Как в танце, гнутся на ветру затрепетавшие растенья.

В лесную чащу уходя, дрожит блистание дождя.

Душа, разлукою томясь, куда-то рвется в нетерпенье,

И журавли над океаном куда-то мчатся караваном,—

Их крылья борются с туманом, вздымая волны
ураганом,

И кто-то, сквозь трезвон цикад, мне в сердце
входит наугад,

Ступая по тоске моей украдкою, как сновиденье.

* * *

Приди, о буря, не щади сухих моих ветвей,
Настало время новых туч, пора иных дождей,
Пусть вихрем танца, ливнем слез блистательная ночь
Поблекший цвет минувших лет скорей отбросит прочь.
Пусть все, чему судьба — уйти, уйдет скорей, скорей!
Циновку ночью расстелю в моем доме пустом.
Сменю одежду, — я продрог под плачущим дождем.
Долину залило водой, — неймется в берегах реке.
Как вздох жасмина, голос мой летит, теряясь вдалеке,
И, как бы за чертою смерти, проснулась жизнь в душе
моей.

* * *

Дожди иссякли, зазвучал разлуки голос одинокий.
Собрать напевы срок настал,— перед тобою путь
далекий.
Отгрохотал последний гром, причалил к берегу паром,—
Явился бхадро, не нарушив сроки.
В кадамбовом лесу желтеет пыльцы цветочной легкий
слой.
Соцветья кётоки забыты неугомонною пчелой.
Объяты тишиной леса, таится в воздухе роса,
И на свету от всех дождей — лишь блики, отблески,
намеки.

* * *

Моя душа — подруга тучи,
Она скитается в просторах неба,
В пленительных мелодиях дождя,
И в лепете, и в шелесте, и в плеске.
 На крыльях лебединых, журавлиных
 Она взлетает в резком блеске молний...
 В бушующем восторге ураган
Бьет в медные кимвалы гулко, звонко.
Поток шумит напоминаьем грозным,
И ветер, что рожден восточным морем,
Проносится по волнам половодья.
 Душа летит в хмельном струенье ветра
 По густолистным зарослям тамала,
 Меж трепетных ветвей.

* * *

Что-то от легких касаний, что-то от смутных слов,—

Так возникают напевы — отклик на дальний зов.

Чампак средь чащи весенней, полѝш в пыланье

цветенья

Подскажут мне звуки и краски,— путь вдохновенья

таков.

Всплеском мгновенным возникнет что-то,

Виденья в душе — без числа, без счета,

А что-то ушло, отзвенев,— не уловишь напев.

Так сменяет минута минуту — чеканный звон бубенцов.

* * *

Прощальную песню, растенья, спойте весне.
Как мало цветов осталось в корзине весенней!
В последний день весны облака от слез красны.
В облетающей роще все меньше и меньше тени.

Солнце, пылающее в вышине,
Сжигает мечтанья в кровавом огне.

Полны дыханьем ветров суровых паруса́ облаков
багровых.

В бамбуковых зарослях ширится шепот смятенья.

К О П А И

Лениво ум мой по теченью Падмы
Блуждает.
На песчаном берегу,
Далеком, обнаженном, равнодушном
К живущему и страждущему миру,
Деревья одинокие собрались
Вкруг хижины разрушенной... Бамбук...
Да манговое дерево... Да старый
Баньян, такой же древний, как она.
За хижною пруд. Горчицы поле.
Индиговой фактории остатки,
Где день и ночь шумят деревья джхау;
На этом берегу,
Таком же хмуром,
Раджбоншей поселение.
Их козы
Пасутся тут же... А с холма взирают
Базара гофрированные крыши.
И кажется, объят поселок страхом
От ледящей близости реки.

Она течет из древних текстов прямо.
И Ганги кровь священную несет
По венам гордо.
От домов поселка
На расстояние держится. Как будто
Она не видит их. Не узнает!
О, как ее манеры величавы!
Они иль с одинокою вершиной,
Иль с одиноким зовом моря схожи.
Так схожи, что невольно вспомнил я,
Как здесь однажды в лодке задремал
В ночном уединенье
Под созвездьем
Медведицы Большой.
Проснулся же я с утренней звездой...
И эти волны
Бежали равнодушно мимо края
Моих ночей и дней. Точь-в-точь как путник,
Идущий мимо радости и горя,
Что в придорожных домиках живут,
Так близко и далеко от него.

И вот, прощаясь с юностью, вернулся
Я вновь сюда,
На старую равнину.

Тут в зелени укрылась деревушка
Санталов. Тут бежит со мною рядом
Речушка Копай,
Соседка с детских лет.
Ей не хватает древности и славы.
Зато она свое простое имя
Смешала с громкой болтовнею женщин.

И здесь, между водой и берегами,
Нет разногласия.
Любовь к деревне
От берега до берега слышна.
Здесь конопля над самою волною.
Кивают головой побеги риса.
А там, где с речкой
Встретилась дорога,
Вода великодушно уступает
Проходим путь, чтоб вброд переходили
Прозрачный и болтливый ручеек.
Над полем вознеслась высоко пальма.
На берегу теснятся манго, джам.

Язык реки — язык простого дома,
А не ученых речь.
Волну и берег
Объединяет общий ритм. И речка
Богатствам не завидует земным.
О, как она изящна, извиваясь
Среди теней и света!
Как в ладоши
Умеет хлопать! Как гибка, упруга
Бывает в дождь! Она не уступает
Танцующим девчонкам деревенским,
Что выпили немножечко вина.
Но и тогда речушка не выходит
Из берегов, чтоб затопить окрестность,
А лишь стремительным движеньем юбки
Бьет в берег и со смехом вдаль бежит.
По осени становится прозрачной
Ее вода и отмели виднее.
Но бедность не стыдит ее.
В богатстве

Она была не наглой,
И унижить
Теперь ее бессильна нищета.
И потому она всегда прекрасна,
Как девушка,— и радостная в танце
И грустная, с усталостью во взоре,
С усталою улыбкой на устах.
Ритм Копаи похож необычайно
На ритм моих стихов.
Объединяет
И землю он и воду. Наполняет
Он музыкой часы дневных работ.
В незримом ритме том сантальский мальчик
Бредет лениво с луком и стрелою.
И в этом ритме движется телега,
Нагруженная сеном. И горшечник
На ярмарку идет, неся посуду
В корзинах двух, привязанных к шесту.
И за хозяйской тенью собачонка
Бежит в том ритме.
В нем учитель школьный,
Не заработавший трех рупий в месяц,
Идет устало,
Свой облезлый, старый,
Дырявый зонт раскрыв над головой.

Н О В О Е В Р Е М Я

В наше время, когда на пастбищах
Окончилась первая, утренняя, дойка коров
И первые молочницы уже прекратили торговлю,
Я вышел на улицу
При беловатом, незрелом
Свете утра с корзиной в руке
И стал громко расхваливать
Свои беловатые, незрелые плоды,
Которые, может быть, с бочка кое-где
И подрумянились,
Но спелыми уж никак не были!
Я часами бродил по улице.
Сколько людей заговаривал со мной,
Сколько людей брало руками плоды,
Сколько возвращало обратно.
Сколько было и таких, что ели,
А денег не платили!
Этот день прошел.

Время идет, уничтожая свои следы.
Зачем же сами мы

Накапливаем воспоминания?
Зачем заботы прошедшего дня
Мы перетаскиваем в сегодняшний день?
Почему не покончим с теми долгами, что должны нам,
И с теми долгами, что должны мы?
Почему, отпущенные на волю,
Мы не пойдем — рука в руке, —
Глядя вперед?
На отходах вчерашнего дня
Не затеешь новое дело.
Это я усвоил прочно.
Что из того?
За жизнь на этой Земле, — день за днем, —
Надо платить наличными.
А в последний день многие
Проявляют бешеную силу,
Цепляясь за жизнь, —
Бесполезная попытка запереть себя!
К чему эта глупость?

Одним словом, с первым ударом колокола,
Расплатившись по счетам,
Я вышел.
Когда я, вернувшись, подошел к двери,
Я увидел: ты стоишь
Во дворе этого нынешнего времени
Однажды когда-нибудь
Знакомые твои
Станут громко восклицать:
«Для чего он тебе нужен!» —
И тебе станет невыносимо больно.
Таково было мое опасение.
Такова была моя надежда.

Ты не колебалась,
Ты связала в сердце
Твое и мое время
Узлом,
Я увидел, взглянув
В твои большие глаза:
Грустная надежда
Прячется между ресницами.

Итак, пришлось вернуться еще раз.
Закончив жизнь, я все начал сначала.
Взглянув тебе в лицо,
Я внял твоей мольбе.
Речь свою я одел
В одежду ваших речей
Я оставил ее в пути
На постоялом дворе.
Друг мой, рядом идущий, я думал о тебе!
Придет время — и ты скажешь знакомому:
«Эта речь дошла до ваших сердец!
Она — нужна вам».
У меня нет времени протягивать руку
За мирскою славой.
Но ты поверила мне,
Подчиняясь внутреннему голосу,
И я хочу как-то оправдать это доверье,—
Вот мое желание.

Я хочу, чтобы ты могла всем сказать гордо:
«Он принадлежит и вам!»
С этой болью в душе я пришел
В нынешнее время
И, обернувшись, вижу: тебя нет,—
Ты, прикрыв лицо, ушла туда,

В мое прежнее время,
Где осталась вечной давняя моя речь
И вот я поныне брожу,
Толкаемый, в толпе нового,
Там, где есть сегодня,
Но нет вчера и завтра.

П О С Л Е Д Н Е Е П И С Ь М О

Казалось, хмурится мой дом пустой
И отвернулся от меня в обиде.
Брожу по комнатам, не находя
Себе в нем места. Я сдаю в аренду
Свой дом и уезжаю в Дехра-Дун.
Я долго не решался отворить
Дверь в комнату Омоли Грудь сжимало.
Но надо было комнату убрать
Пред тем, как дом сдавать, и я решился
И смело отпер дверь. Флакон духов.
Гребенка. Пара туфельек из Агры.
Налево фисгармония в углу.
На полке книги. Вклеены картинки
В альбом. В порядке платья и белье.
В шкафу зеркальном разные игрушки.
Коробки из-под пудры. Пузырьки.
Я в кресло у стола сажусь в молчанье.
Вот кожаная сумка. С ней, бывало,
Она ходила в школу. Вот тетрадь
С задачами. Раскрытое письмо
Оттуда выпало. Мой адрес криво
Был надарапан детскою рукой.

Пред утопающими, уверяют,
Картины прошлого проходят вмиг;
Когда я в руки взял ее письмо,
То тоже вспомнил все в одну минуту.

Когда скончалась мать ее, Омоли
Исполнилось семь лет. Какой-то страх
Не покидал меня. Я опасался,
Что девочка недолго проживет.
Какая-то печаль ее мрачила.
На личико ее ложилась тень
Предчувствуемой будущей разлуки.
Мне страшно было дома оставлять
Ее одну. Работая в конторе,
Я думал: мало ли какие вдруг
Несчастья случаются на свете

На праздники приехала гостить
Из Банкипура тетя. «В наше время
Все грамотны,— заметила она.—
Кто женится теперь на неученой?»
Мне стало стыдно. Я пообещал
Отдать без промедленья дочку в школу,
Что и исполнил на другой же день
У дочки было много дней свободных,
Но и в учебные она тайком
Домой из школы ухитрялась бегать,
И я, отец, был в заговоре с ней.

На следующий год, приехав, тетя
Сказала: «Вот что, больше так нельзя.
Я увезу ее и в Бенаресе
Пристрою в самый лучший пансион.

Спасу племянницу от ласк отцовских». Уехала Омоли, скрыв обиду. Зачем я с тетей отпустил ее! Я в Бадринахт отправился молиться, Чтоб убежать от самого себя. Четыре месяца я жил без писем. Я думал, наша родственная связь Ослабла там благодаря заботам Наставников, и отдал дочь в душе В господни руки с чувством облегченья, Спусти четыре месяца я сам Задумал съездить в Бенарес к Омоли, Но по дороге получил письмо. Бог взял ее. Мне нечего прибавить. Я — в комнате Омоли. Предо мной Ее письмо. Она в нем пишет: «Очень Хочу тебя увидеть .» Вот и все

Ч И С Т Ы Й

Раманондо сан высокий посит,
Молится, весь день постится строго,
Вечером тхакуру носит яства,
И тогда лишь пост его закончен,
И в душе его — тхакура милость.

Был когда-то в храме пышный праздник.
Прибыл сам раджа с своею рани,
Пандиты пришли из стран далеких,
Разных сект служители явились,
Разные их украшали знаки.
Вечером, закончив омовенье,
Раманондо дар поднес тхакуру.
Но не сходит божество к святому,
И в тот день он не вкушает пищи.

Так два вечера случалось в храме,
И совсем иссохло сердце гуру.
И сказал он, лбом земли коснувшись:
«Чем, тхакур, перед тобой я грешен?»
Тот сказал: «В раю мой дом единый

Или в тех, пред кем мой храм закрыли?
Вот на ком мое благословенье.
С той водой, которой я коснулся,—
В жилах их течет вода святая.
Унижение их меня задело,
Все, что ты принес сюда,— нечисто».

«Но ведь нужно сохранять обычай»,—
Поглядел на бога Раманондо.
Грозно очи божества сверкнули,
И сказал он: «В мир, что мною создан,
Во дворе, где все на свете — гости,
Хочешь ты теперь забор поставить
И мои владенья ограничить,—
Ну и дерзок!»
И воскликнул гуру: «Завтра утром
Стану я таким же, как другие».

И уже давно настала полночь,
Звезды в небе млели в созерцанье,
Вдруг проснулся гуру и услышал:
«Час настал, вставай, исполни клятву».
Приложив ладонь к ладони, гуру
Отвечал: «Еще ведь ночь повсюду,
Даль темна, в безмолвье дремлют птицы.
Я хочу еще дожждаться утра».
Бог сказал: «За ночью ль идет утро?
Как душа проснулась и услышала
Слово божье ты — тогда и утро.
Поскорее свой обет исполни».

Раманондо вышел на дорогу,
В небесах над ним сияла Дхрува.
Город он прошел, прошел деревню,

У реки посередине поля
Тело мертвое чандал сжигает.
И чандала обнял Раманондо.
Тот испуганно сказал: «Не надо,
Господин, мое занятие низко,
Ты меня преступником не делай».
Гуру отвечал: «Я мертв душою,
И поэтому тебя не видел,
И поэтому лишь ты мне нужен,
А иначе мертвых не хоронят».
И отправился опять в дорогу.
Щебетали утренние птицы.
В блеске утреннем звезда исчезла.
Гуру видит: мусульманин сидя
Ткани ткёт и песнь поёт чуть слышно.
Раманондо рядом опустился
И его за плечи нежно обнял
Тот ему промолвил, потрясенный:
«Господин, я — веры мусульманской,
Я же ткач, мое занятие низко».
Гуру отвечал: «Тебя не знал я,
И душа моя была нагая,
И была она грязна от пыли.
Ты подай мне чистую одежду,
Я оденусь, и уйдет позор мой».

Тут ученики догнали гуру
И сказали: «Что вы натворили?»
Он в ответ им: «Отыскал я бога
В месте, где он мною был потерян».
На небо уже всходило солнце
И лицо святого озаряло.

Н Е К Т О

Средних лет хиндустанец,
Высокорослый, худой.
Седые усы... Лицо похоже
На усыхающий плод.
В ситцевой куртке, в измятом дхоти,
Зонт на плече, посошок в руке.
Туфли из грубой кожи (круто загнуты вверх
носки).

В город идет он.
Утро месяца бхадра.
Чахлый луч пробился сквозь облако
Было душно нынешней ночью —
Будто укутали ночь с головою...
Ветерок, увлажненный туманом,
Вет, прячась в нежных ветвях.

На последней черте моего окоема
Показался неведомый путник,—
Там, где тени призрачно движутся,
Двигается некто.
Нет у него примет,

Имени тоже нет,—
Просто идет по дороге к рынку
Некто в утре месяца бхадро.
Возможно, он тоже видит меня
На рубеже пустыни своей,
Где в голубом тумане
Он ничем не связан ни с кем.

Дома есть у него теленок
И говорящая птица в клетке.
Жена на жернове мелет муку
(Руки — в тяжелых медных браслетах).
Есть у него сосед-стиральщик.
Есть бакалейщик и есть еще
Кабулийцам долги...
Но нет у него меня —
Некоего, неведомого.

* * *

Я видел и постиг
Свершения веков далеких прошлых.
Вдали от шумной суетной молвы
Подвижники их создавали.

Вдали от любопытных взглядов,
В пещере, даже солнцу недоступной,
На труднопроходимых горных тропах
Творцы свои рисунки
На камне начертали,—
Так на холсте из темноты
Создатель написал картину мира.
Известностью они пренебрегли,
Не протянули руку за наградой,
Имен своих не начертали.

О безымянные творцы искусства,
Вам кланяюсь я низко,—
Создания ваши, пережив века,
Нас учат презирать тщеславье!

Во мраке скрыты ваши имена,
Стремление ваше стало бескорыстным.
Величье этой темноты
Я чту сегодня.
Беззвучно ваше слово
Звучит в пещере:
«Бессмысленно тщеславье,
А слава в будущих веках —
Лишь пища призраков бесплотных,
Живые ей не могут насладиться.
Так не гонись за ней,
А принимай смиренно
Дары от Аннапурны дней текущих!»

Сегодня у порога моего
Стоит безлистый шоджне,
На ветках
Зазеленел пушок.
Теперь паром весны до середины
Потока чойтро месяца доплыл.
В полуденном горячем ветре
Качаются деревья.
Пыль покрывает синеву небес
Налетом серым.
Напевы птиц
Еще не зазвучали стройным хором.

В потоке вечном мчится быстротечно
Волнение самозабвенной жизни,
И с ним колышется моя душа,
Как листья кришноколи.
Я и сейчас в избытке получаю
Дары от пробегающих мгновений,—
Их правда несомненна.

В тот день, когда слагаю песню,
Я чувствую в моей душе
Такое ж колыханье листьев,
Волненье ветра,
Поток лучей
И сладостную боль создания.
Ведь и ко мне пришел гость безымянный,
Явился странник неизвестный,
И правда вся, что он принес,
В тот миг открылась до конца,—
Не станет правда больше оттого,
Что оседлает чье-то имя.
Но если в будущем, от глаз сокрытом
За небосклоном настоящих дней,
В мелькании бесчисленных явлений,
В шумливой толкотне
Средь сотен тысяч суетных имен
Случайно промелькнет, как тень,
Мое бесплотное и призрачное имя,—
Позор миражу жалкого тщеславья!
На склоне дней моих
Пусть радость, что весь мир объемлет,
Даст мне свободу от гордыни!

Да чтится скрытый в темноте
Создатель безымянный
Картин чудесных мира,
Дарящий людям радость!

* * *

При встрече
Мы с ней переглянулись.
Я был так молод,
Она меня спросила:
«Кого ты ищешь?»

Я ей ответил:
«Поэт вселенной из своей поэмы бесконечной
Одну строку зачем-то вырвал
И плыть ее пустил
В поток земного ветра,
Где аромат цветов плывет
И звуки флейты.
Строка кружит, ища строку созвучную,
другую,
И поисков безмолвное жужжанье
Звучит в ее пчелиных крыльях».

Она молчала,
Смотрела в сторону куда-то.
Мне стало грустно,
И я спросил: «О чем ты думаешь?»

И, обрывая лепестки, она сказала:
«А как узнаешь ты — нашел иль нет
Среди бесчисленных мельканий
Ее, созвучную, одну?»
Я ей ответил:
«То, что ищу
В раздвоенной, неполной жизни,—
Большая тайна,
Она откроется сама собой,
Откликнувшись необычайно,
И тайну я узнаю —
Созвучие с душой другого».

Она молчала.
На смуглой нежной шее
Блеснуло тоненькое ожерелье,
Как будто облачка слегка коснулся
Осенний бледный луч.
В ее глазах мелькала
Какая-то растерянность, боязнь,
Что кто-то навсегда уйдет, ей не открывшись
Она стояла неподвижно
В тревоге — и не знала,
На что решиться.

Я встретился с ней на краю дороги
В широкий мир,
Я ждал
Желанной встречи..
Она ушла.

НА ПИСАННОЕ
НА ДОСУГЕ

Стихи мои, мой берег одинокий,
В безбрежный океан глядящий молчаливо,
Пускай окатит вас прибой высокий
И жемчугом воздаст спокойный час отлива.
Стихи мои, вам скромность не помеха,
Не блещут пестротою ваши одеянья,
Вы у толпы не сыщете успеха,
И в доме знатока вам не снискать признанья.
Стихи мои, я мысленно рисую
В тишайшей тишине ваш образ одинокий —
Не девушку, но девочку босую,
Сидящую в дверях, поджав худые ноги.
Она себя еще не понимает,
Беспечен взгляд ее и голос беззаботен,
Над ней на крыльях время пролетает
И утро пьет росу и переходит в полдень.
А если хочешь знать ее — то просто
В распахнутых дверях постой со мною рядом,
Ей не ответить на твои вопросы
Ни словом вычурным, ни молчаливым взглядом.

Пока играет ветер волосами,
Она сидит в пыли, качая головою,
И голубыми детскими глазами
Доверчиво глядит на небо голубое.
Шум леса, словно музыка, струится,
Река дымится от полуденного жара,
И над водой неведомая птица,
Качаясь вверх и вниз, поет на ветке джхау,
И под прохладным ветром неустанно
Качается джарул, усыпанный цветами,
И камини цветут благоуханно
И опадают в тень сырыми лепестками,
И запах тулси льется над землею,
И аромат земли в каморке обитает,
И медленно пчела над головою
Кружится и, жужжа, куда-то улетает.
А девочка, она ушла с урока,
Она идет к себе — и целый мир находит,
И в этом мире бродит одиноко,
И среди бела дня каракули выводит.
Пускай ее природа окружает,
Как разноцветный сад, светло и откровенно:
Журчит вода, и травы полыхают,
И веет от лугов медовый запах сена.
От добрых глаз я девочку не прячу,
Без хитрости на вас глядит она с порога.
А если вы посмотрите иначе,
Ну что ж, — нехороша, худа и босонога.

* * *

Давно влачишь ты, плоть моя,
Груз гнева, злобы и забот ненужных,
Всех вожделений прах,
Личиной истины лик истины скрывая,
Свое подобие творишь из глины смерти,
Но, знаки смерти в ней приметив,
Тоскуешь горько.
Играет плоть, в игре забыться хочет,
И не зовет игру — игрой,
И ревностно готовит дар для Смерти

Средь накипи похвал и осуждений
Кружится, плача и смеясь.
Взвивается из груди столп ракеты,
Но с неба сыплется зола,—
Плоть день за днем навалы пепла копит.

Попутру мир — в божественном обличье,
Оно еще свежо и чисто,

Как в первый день творенья.
И, утру вслед, я суть свою ищу.
Закутанное в сеть годов, часов, мгновений,
Я от сознания отделяю тело —
Пусть отойдет туда, где копошатся
Раздутые бессонницею мысли,
Все, что писалось и хранилось втуне,
Все это — зовы, чей утрачен смысл,
Чему нет больше отклика...
Мне вспоминается молитва
Отшельника-поэта, слово к солнцу.
Он говорил: «О солнце!
Ты скрыло истину в сосуде золотом —
Сними же крышку!»

И я вседневно с пробужденьем утра,
В лучах восхода растворяясь,
Взываю: «Солнце!
Плоть отжени мою, сними покров,—
Ведь эту плоть из искорок мельчайших
Твой создал свет.
Таится в ней твоя благая сущность,—
О, пусть ее увидит взор мой чистый!»

Души моей глубиннейшая правда
С землей, еще бесформенною, купно
Поглощены тобою были —
Твоей великой правдой
В недвижимом центре твоего сиянья
В какле-то мгновенья человек
Суть постигал величья своего:
Среди песков, где Нил могучий льется,

На берегах Персидского залива,
На склонах Гималайского хребта.
И человек сказал: да, мы — сыны бессмертья,
Мы увидали, как из тьмы возник
 Великий человек в обличье солнца.

* * *

В тот древний, иступленный век,
Когда творец хулил свое творенье
И созданное рушил,
В тот день, когда утратил он терпенье,
Своею дланью грозный Океан
Тебя отторг, о Африка, от груди
Земли восточной.
Густого леса бдительная стража
Твою темницу стерегла.
Ты на досуге одиноком
Копила тайны чащ непроходимых,
Читала письма воды, земли и неба,—
И волшебство природы
В душе незрячей мантру пробудило.
Ты, заслонив лицо уродливой личиной,
Над ужасом смеялась
И, страх стремясь преодолеть,
Ожесточала дух величественным бредом,
Обрядом-пляской разрушенья
Под барабанный гром.

Тенистая! За черным покрывалом
Не видел человеческого лица
Презренья мутный взор.
С колодками, с цепями ворвались
Ловцы людей, чьи когти крепче волчьих,
Чье низкое высокомерье глуше
Твоих для солнца недоступных джунглей
В наряде городском белесый варвар,
Как зверь, бесстыдно алчность обнажил.
Плыл по тропам лесным беззвучный голос горя,
Пыль впитывала кровь твою и слезы.
Навеки мерзкой грязи комья
Из-под сапог бандитских — оскорбленьем
Запечатлели летопись твою.

А за морем, в их городах и селах,
Воскресный звон колоколов
Предвечному добру гудел хваленья,
Младенцы прыгали в руках у матерей
И славили поэты Красоту.

Сейчас, когда в закатном небе
За горло схвачен бурей вечер тихий
И из пещер повылезло зверье,
Конец всему предвозвещаая воем,
Явись, поэт, на рубеже веков
И, подойдя к порогу оскорбленной,
Скажи: «Прости!»
Пусть этим чистым словом разрешится
Твой, варвар, бред!

Д У Ш А Р А С П А Л А С Ь

Ты ждешь за дверью. Ты решить не можешь —
Войти ко мне, как прежде, или нет?
Я слышу — тихо звякнул твой браслет,
Мелькнуло сари цвета жженой глины,
Его колышет ветерок
В проеме дверп.
Я тебя не вижу,
Но вижу — руки западных лучей
Украли тень твою и положили
На половицы комнаты моей.

Я под каймою сари вижу робость золотисто-
смуглых ног,
Не знающих, переступить ли
Через порог?
Но я тебя не кликну.
Моя душа распалась на частицы,
Как дым тумана в глубине безлунной,
Как облако, расплывшееся в небе,
После дождей.

Моя любовь,
Она — как насыпь в поле,
Опавшая, оползшая. И пахарь
Давно ее забросил и ушел.
А вечно равнодушная природа
Ее в свои владения включила,
И насыпь, незаметно для себя,
Покрылась первозданною травой,
И обросла побегами деревьев,
И с ближним лесом ветками сплелась.
Моя любовь — она сейчас похожа
На утреннюю бледную звезду,
Что растворяет в светлости рассвета
Погасшее сияние свое.

Нет у моей души границ сегодня.
Возможно, ты меня не так поймешь.
Все вехи сняты, все отметки стерты.
Собрать меня, вернуть былую цельность?
Ты уз таких на свете не найдешь.

* * *

Один за другим погасают на сцене огни.
Зала — как сон, чьи видения стерлись;
Пусто, темно. Знак подала тишина
Строгим перстом. Спокойна душа, и наряд мой,
Перед началом спектакля казавшийся сутью
Образа, в зале пустом бессмысленным стал.
Красками, блестками, всяческой мишурою
Приукрашал я себя, толпе угождая.
Сразу стерлись они,— и меня поразила
Вся полнота невидимой сути моей.
Так очертанья земли при skonчании дня
Смутно сливаются в час погребенья заката,
И открывается небо, прозрачное небо
В звездном сиянье, собою самим изумленное.

ПАРУСНАЯ ЛОДКА

На лодке плыву по теченью, раскрыв паруса.

Дома и деревья, поселки, леса,

Прибрежные травы —

Мелькают и слева и справа.

За пристанью пристань проносится, — не удержать

ничего.

Магический сон, колдовство...

Купается кто-то, — но всё как мираж...

Внезапно возникнув, уже исчезает пейзаж.

Как будто несет меня вечности челн, и на свете

Я вижу все ту же игру, из столетия в столетье.

Мгновенная встреча, завязка, разрыв...

Запомнить хотел, но утратил, уже позабыв.

Явилось — исчезло. Едва получил — и отдам.

И, боль подавляя, все к новым плыву берегам.

Беру, чтоб терять, ничего не храня, —

Но эти утраты тревожат меня.

И радость и горечь, — как жизнь бесконечно щедра!

И как по душе мне волшебная эта игра!

Приподнял — и снова отбросил:

Так жизни ладью разгоняют ударами весел,
Но быстро сгущается ночь, и недвижно весло,
Паломников мрака в крошечную даль унесло.
И лодку уносит, а море безбрежно, бездонно,—
В него погружаясь, созвездье горит Ориона.

* * *

Когда к выздоровленью наконец
Мне жизнь свое прислала приглашенье,
В тот незабвенный и недавний день
Она так щедро подарила мне
Способность мир по-новому узреть.
И золотом затопленное небо —
Как коврик созерцанья
Отшельника всевышнего.
И сокровенный изначальный миг,
Времен исток,
Открылся предо мной.
И я постигнул, что мое рожденье
Нанизано на нить рождений прежних;
И словно солнца семицветный свет —
Так зрелище в одном себе хранит
Поток других, невидимых творений.

* * *

Когда тебя во сне моем не вижу,
Мне чудится, что шепчет заклинанья
Земля, чтобы исчезнуть под ногами.
И за пустое небо уцепиться,
Поднявши руки, в ужасе хочу я.
В испуге просыпаюсь я и вижу,
Как шерсть прядешь ты, низко наклонившись,
Со мною рядом неподвижно сидя,
Собой являя весь покой творенья.

* * *

Пусто в доме. Я хвор.
Сквозь открытую дверь
Тень косая легла на постель.
Полусонное время холодной поры
Монотонно течет под полуденным солнцем,
Как река в камышах сквозь затон.
И порой на жнивье просыпается длительный вздох
Отдаленного воспоминаья.

Вспоминается: сколько годов
Падма между крутых берегов
В светотени
Позднего праздного утра
Плыть пускает мои равнодушные думы
В пене, в пене речной.
Прикасаясь к нижнему краю небес,
Проплывает под парусом лодка рыбацья;
На окраине неба белоснежное облако отбилося от стаи.
Деревенские женщины, край сари накиннув на лица,
Несут на бедре сверкающие кувшины.
Болтая, идут они гибкой тропой вдоль манговой рощи.

Поминутно вызывает кукушка на ветке, скрытой в тени,
И колышет завесу, за которой
Таится деревенская жизнь.
На горчичном поле близ пруда
Вызревает ответный подарок лучам —
Цветы, приношение на ступенях храма солнца

Озираю спокойно полдневное уединенье,
Шлю безмолвное благодаренье
Солнцу, в сияющем лике которого наш пращур
У себя во дворе прозревал божество.
Мысли: если б владел я магическим словом —
Ведической мантрой древнейших веков,
Мой гимн растворился бы в этих прозрачных лучах.
Но немею, немею.
Вижу дальнюю грань горизонта,
И молчанье мое возносится к бледному небу полудня

* * *

Вот человек великий рождается к жизни новой,
Холодок по телу, трепет восторга повсюду,
В каждой травинке, растущей из праха земного.
В мире богов гулко раковина затрубила,
В мире людей загремели литавры победно,—
Наступил миг рожденья великий.
В прах рассыпался мрак новолунья,
Пали крепости тьмы.
На вершине горы рассветной
Звучит напутствия слово:
«Смелее, смелее,— к жизни новой».
«Слава, слава рождению человека!» —
Звучит в небесах громово,

* * *

Пускай легко спадет завеса моего существа,
Пусть проникающий свет Сознания
Развеет туман
И вскроет сладостные очертания истины,
Пусть растечется в душе,
В недвижных сферах сует
Да явится мне бестревожный образ вечности;
Да проникну я взором в смысл моего существования,
Отринув
Бессмысленные хитросплетенья жизни,
И ложные ценности, пронизавшие общество ложью,
И толпу корыстно алчущих,—
Прежде чем уйду за грань бытия.

* * *

Тону в неведомом и погружаюсь в бездну,
Сознания сбросив груз...
Синеет ночь, в которой я исчезну,
Растаю, растворюсь.
А ты, земля, связать меня хотела,—
Не надо, не держи.
Исчезли времени пределы
И рубежи.
О, если б, звезды, вы, пьянея, устремили
Ко мне безумный взор!
О вечный горизонт, хочу, чтоб крылья
Ты надо мной простер.
Ни слов, ни чувств, ни песни многострунной,
Ни сна, ни яви нет.
Оцепенела плоть. Я превратился в лунный,
Прозрачный свет.
Мир потонул в сияющей пустыне,
В бездонности глубин.
Исчезло все, и в ночи синей
Лишь я один.

Пой, мир, чтобы пловцов вновь песни прозвучали.

Я вспомнить бы хотел:

С паломниками ты уплыл в какие дали,

В какой предел?

Как сладко умирать! Ночь без конца и края...

Я точкой становлюсь,—

Сейчас исчезну, в бездне утопая,

И с вечностью сольюсь.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Евг. Винокуров. Философская лирика Тагора . .</i>	5
--	---

ЛИРИКА

<i>Жизнь. Перевод Н. Воронель</i>	17
<i>Ночь. Перевод Д. Голубкова</i>	18
<i>Через сто лет. Перевод А. Сендыка</i>	21
<i>Отречение. Перевод В. Тушиновой</i>	23
<i>Жизнь драгоценна. Перевод В. Тушиновой</i>	24
<i>Индия — Лакшми. Перевод Н. Тихонова</i>	25
<i>Пьяный. Перевод А. Ревича</i>	26
<i>Мы живем в одной деревне. Перевод Т. Спендиаровой</i>	28
<i>«О, всеединство разума, духа и бренной плоти!..» Перевод Н. Стефановича</i>	30
<i>«Ради грядущего утра, что счастья зажжет огни...» Перевод Н. Стефановича</i>	31
<i>«Когда-то, свадебным смущенная нарядом...» Перевод С. Шервинского</i>	32
<i>«Нисходит полумрак и синим краем сари...» Перевод С. Шервинского</i>	33
<i>«Я, как безумный, по лесам кружу...» Перевод В. Марковой</i>	34
<i>«Тяжесть вязкой смолы в аромате мечтает излиться...» Перевод В. Марковой</i>	36

«Та женщина, что мне была мила...» <i>Перевод</i> <i>Б. Пастернака</i>	37
«Кто ты, далекий? Запела вдали...» <i>Перевод</i> <i>З. Миркиной</i>	39
«О, я знаю, пройдут...» <i>Перевод В. Тушиновой</i> . .	41
«Когда страдание приведет...» <i>Перевод Т. Спен-</i> <i>диаровой</i>	43
Всеуничтожение. <i>Перевод А. Ахматовой</i>	44
Труба. <i>Перевод А. Ахматовой</i>	46
Подарок. <i>Перевод М. Петровых</i>	49
Неведомое. <i>Перевод А. Ревича</i>	52
Весна. <i>Перевод М. Петровых</i>	54
Воспоминание. <i>Перевод В. Левика</i>	55
Благодарный. <i>Перевод М. Петровых</i>	57
Быть может. <i>Перевод М. Петровых</i>	59
Праздник посадки деревьев. <i>Перевод С. Шервин-</i> <i>ского</i>	60
Радость. <i>Перевод В. Потаповой</i>	62
Утренняя заря. <i>Перевод В. Потаповой</i>	63
Возвращение. <i>Перевод В. Рождественского</i> . . .	65
Мальчик. <i>Перевод С. Липкина</i>	67
Несмышленный ум. <i>Перевод Е. Винокурова</i> . . .	69
Тридцать лет назад. <i>Перевод С. Липкина</i> . . .	72
Удивление. <i>Перевод А. Ревича</i>	74
Восток. <i>Перевод С. Липкина</i>	75
«Родник мелодии твоей журчит в краю пустын- <i>ном...» Перевод В. Потаповой</i>	77
«Я бесконечен. Своим ты играешь созданием...» <i>Перевод В. Потаповой</i>	78
«По ночам под звуки флейты бродят звездные ста- <i>да...» Перевод В. Потаповой</i>	79
«Под обаянием лунных чар мечты кружат в про- <i>сторе...» Перевод М. Петровых</i>	80
«Из тьмы я пришел, где шумят дожди. Ты сей- <i>час одна, взаперти...» Перевод Ю. Нейман</i> .	81
«И солнце есть, и звезд не счесть в просторах <i>бытия...» Перевод М. Петровых</i>	82
«Песни птиц отзвенели, полдень зноен и сух...» <i>Перевод М. Петровых</i>	83
«Из тучи — грохот барабана, могучий рокот не- <i>престанный...» Перевод М. Петровых</i> . . .	84
«Над рощей в огненном цвету проходят тучи си- <i>ней тенью...» Перевод М. Петровых</i>	85

«Приди, о буря, не щади сухих моих ветвей...» Перевод М. Петровых	86
«Дожди иссякли, зазвучал разлуки голос одино- кий...» Перевод М. Петровых	87
«Моя душа — подруга тучи...» Перевод М. Петро- вых	88
«Что-то от легких касаний, что-то от смутных слов...» Перевод М. Петровых	89
«Прощальную песню, растенья, спойте весне...» Перевод М. Петровых	90
Копай. Перевод Г. Регистана	91
Новое время. Перевод Е. Винокурова	95
Последнее письмо. Перевод Б. Пастернака	99
Чистый. Перевод А. Ахматовой	102
Некто. Перевод Д. Голубкова	105
«Я видел и постиг...» Перевод М. Зенкевича	107
«При встрече...» Перевод М. Зенкевича	110
Написанное на досуге. Перевод О. Чухонцева	112
«Давно влачишь ты, плоть моя...» Перевод С. Шер- винского	114
«В тот древний, иступленный век...» Перевод С. Шервинского	117
Душа распалась. Перевод С. Курсанова	119
«Один за другим погаают на сцене огни...» Пе- ревод С. Шервинского	121
Парусная лодка. Перевод Н. Стефановича	122
«Когда к выздоровленью наконец...» Перевод А. Ахматовой	124
«Когда тебя во сне моем не вижу...» Перевод А. Ахматовой	125
«Пусто в доме. Я хвор...» Перевод Д. Самойлова	126
«Вот человек великий рождается к жизни но- вой...» Перевод В. Тушиновой	128
«Пуškai легко спадет завеса моего существа...» Перевод Д. Самойлова	129
«Тону в неведомом и погружаюсь в бездну...» Перевод Н. Стефановича	130

Рабиндранат ТАГОР

Лирика

Редактор А. Симонов

Художественный редактор

Л. Калитовская

Технический редактор

Л. Сутина

Корректор Г. Асланянц

Сдано в набор 20/II 1967 г.

Подп. к печати 8.VIII 1967 г.

Бумага машинно-мелованная № 2.

Формат 70 × 90^{1/32}. 4,25 печ. л.

4,96 усл. печ. л. 3.76 уч.-изд. л.

Зак. № 282. Тираж 25 000

Цена 31 коп.

Издательство

«Художественная литература»

Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Типография «Красный пролетарий»

Москва. Краснопролетарская, 16.